

Своя

журнал
Никиты Михалкова

**ВОИСТИНУ
КРАСНА ВЕСНА:**
После Пасхи
да за свадебку

М. МОЛОДЫХ «НЕВЕСТА»

Сила воли

Чего не учел
Царь-освободитель

Морис, ты прав

«Роль России —
лидерская», —
утверждал Дрюон

**Островский
СТОИТ ОСОБНЯКОМ**

В гостях у Колумба
Замоскворечья

Казачий граф

В О ВРЕМЯ ВОЙНЫ России с наполеоновской Францией вихрь-атаман стал поистине легендарной, эпической фигурой, а русские казаки обрели на родине и в Старом Свете неслыханную популярность. Одна из самых редких книг на выставке — «Послание Серединской станицы казака Ермолая Гаврильевича к атаману своему Матвею Ивановичу. Калиш 1813 март 22» — единственное сохранившееся в нашей стране издание военно-походной типографии 1812 года. Также в

В музее «Кутузовская изба» открыта выставка «Казачий граф» — к 200-летию памяти прославленного командира летучего казачьего корпуса и донского ополчения 1812 года Матвея Платова.

экспозиции представлено сочинение Николая Смирного «Жизнь и подвиги графа Матвея Платова», изданное в 1821 году.

Помимо биографической литературы, посетители выставки увидят сборники стихов и казачьих песен, вышедшие в свет в XIX — начале XX века. Образ русского казака некогда стал распространенным сюжетом для предметов декоративно-прикладного искусства. Чашки, блюда и тарелки Императорского фарфорового завода с портретами генералов М.И. Платова и В.В. Орлова-Денисова украшали в позапрошлом столетии лучшие дома России и Европы. Изделия заводов Батенина и Попова, внешне схожие с дорогим фарфором, но более дешевые и прочные, пользовались широким спросом у людей небольшого достатка.

Интересная и познавательная для всех любителей отечественной истории выставка работает в «Кутузовской избе» (Кутузовский проспект, д. 38, стр. 2) до 30 мая 2018 года.

«ВОЙСКОВОЙ АТАМАН ВОЙСКА ДОНСКОГО МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПЛАТОВ»

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя На верном пути	32–35	Русские реалисты Сказочный переплет Сергей Сюхин: «Ребенка притягивают хорошие иллюстрации»
3–7	Дом Романовых Сила воли	36–39	Русский след Хребет, который не сломить Наши приоритеты в Арктике
8–11	Русская Евразия Сибирь: золото и кровь Гагарин и здесь был первым	40–43	Ретроспектива В лучшем из миров Полвека вместе с животными
12–15	Имена и даты	44–47	Стоп-кадр Юрий Васильевич преображает профессию К 90-летию со дня рождения Юрия Яковлева
16–19	Символ веры Воистину красна весна	48	Трапезная Под правильным соусом
20–23	Философ о философе Роман с революцией За что Борис Яковенко осуждал большевиков		
24–27	На семи холмах Островский стоит особняком		
28–31	Другие берега Морис, ты прав		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

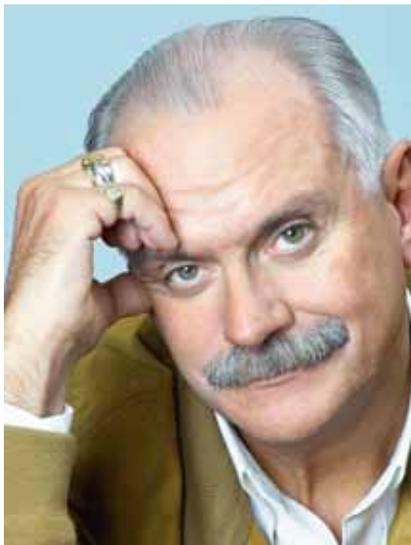
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 2266/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 19 марта 2018 г.

На верном пути

Чтобы отчетливее понимать, куда мы движемся и в какой точке нашего исторического пути находимся, я сопоставляю теперешние мысли, чувства, тревоги и опасения, радости и прозрения с теми, которые мне и моим единомышленникам были присущи много раньше.

Четверть века назад, когда процесс развала бывшей советской империи уже было перекинулся на ее «правопреемницу», Российскую Федерацию, когда отбрасывались «за ненадобностью» прежние принципы государственной идеологии, общественного бытия, национальной безопасности, когда народ оказался ввергнут в нищету и отчаяние, всюду правил бал бандитизм, а в министерских кабинетах, как у себя дома, хозяйничали сотрудники западных спецслужб, — свою основную надежду я связывал с православием, с тем, что тысячелетняя вера в очередной раз спасет Россию от гибели, окончательного распада, геополитического небытия.

К примеру, в 1994-м в интервью газете «Завтра» говорил буквально следующее: «Почему я так надеюсь на православную веру? А на что надеяться еще?... Все истоки русской культуры, все истоки русской традиции, так или иначе, в корневом своем понимании завязаны на православии...»

Разумеется, и тогда я всецело признавал правоту народной поговорки «На Бога надейся, а сам не плошай». И ни в коей мере не хотел принизить значение иных, традиционных для нашей страны, религий. Однако был и остаюсь убежден: подлинное начало главных, спасительных для Отечества преобразований — православная вера. Не вижу необходимости приводить в обоснование этой мысли некие «железные», логически безупречные (тем более «рациональные») аргументы — тот самый случай, когда я стремлюсь быть не столько ПОНЯТНЫМ, сколько ПОНЯТЫМ.

«Россия напрямую управляется Богом...» — это высказывание петровского фельдмаршала Миниха процитировал совсем недавно наш национальный лидер в фильме Владимира Соловьева «Миропорядок-2018». Оно получило замечательное продолжение: «...А если это не так, то непонятно, как она вообще существует».

Президент апеллирует в первую очередь не к материальному, не к «экономическому», а к сугубо духовному, надмирному фактору русской истории, и это абсолютно правильно. Как и то, что христианство все шире и глубже проникает в общественную жизнь великой страны.

Первую же в 2018 году телепрограмму «Бесогон» я посвятил очень близкой по смыслу теме: показал, как пропагандисты либеральных СМИ, записные поборники толерантности беснуются при упоминании Святейшего патриарха, других служителей церкви, а затем — вполне закономерно — принимают хулиганские выходки христианских святых и Самого Спасителя. Это и есть верный признак того, что Россия находится на правильном пути.

Полагаю, в дальнейшем мы сумеем защитить от нападков все то, что русскому человеку по-настоящему дорого. Пока же от всего сердца желаю православным людям радостно встретить и отпраздновать Пасху Христову! И пусть нам эту светлую, во всех смыслах весеннюю пору ничто не омрачает!

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

A full-length portrait of Emperor Alexander II of Russia, standing in a red military uniform with a blue sash and a fur cape. He is holding a military hat in his right hand and a sword in his left. The background is a soft, hazy landscape.

Сила ВОЛИ

Двести лет назад, 29 апреля 1818 года, в семье великого князя Николая Павловича родился сын, будущий император Александр II. Царствование самодержца, даровавшего свободу русским крестьянам, выдалось чрезвычайно драматичным от первого до последнего дня. Он принял Россию на грани военной катастрофы, а оставил — в воронке революционного террора. Между этими рубежами — 26 лет. За данный срок государю не раз удавалось провести державный корабль между рифами и мелями.

Евгений Алдонин

Ученик Жуковского

Рождение Александра «первый русский романтик» приветствовал восторженными стихами:

*Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек.
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех — свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать...*

Василий Жуковский стал воспитателем Александра, когда тот уже пребывал в статусе престолонаследника. Поэт добросовестно взялся за дело: «Моя настоящая должность берет все мое время. В голове одна мысль, в душе одно желание... Какая забота и ответственность! Занятие, питательное для души! Цель для целой отдельной жизни!.. Прощай навсегда поэзия с рифмами! Поэзия другого рода со мною. Ей должна быть посвящена остальная жизнь».

Штудировали литературную классику, рассуждали о справедливости и человеколюбии, изучали философские представления об идеальном государстве. Когда Николай I приучал юного преемника к верховной езде, присутствию на армейских учениях, Василий Андреевич сопротивлялся: «Он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве — казарму». Заявление чересчур смелое, даже дерзкое — с учетом образа жизни Николая Павловича, который всегда оставался по духу военным человеком. Уроки Жуковского не могли не сказаться в годы Великих реформ: Александр II находил крепостное право постыдным анахронизмом и, по сути, уравнивал в правах всех подданных.

«Мне нужны умные советники»

В ту пору известный нам принцип «Кадры решают все!» действовал исправно. Первый признак государственного ума — умение выдвигать наиболее способных управленцев. С этим обстоятельством связан мудрый и вполне достоверный исторический анекдот. Вдовствующая императрица Александра Федоровна после отставки барона Петра Клейнмихеля с поста главноуправляющего путями сообщила упрекнула сына: «Его избрал твой отец, а кто лучше него умел угадать и выбрать верного человека?»

Император ответил в своем стиле: «Батюшка был гений, и ему нужны были усердные исполнители его предначертаний. А я не гений, мне нужны умные советники».

Отбросив самонадеянность, он сделал ставку на профессионалов и кадровых ошибок практически не допускал. Доверился князю Александру Барятинскому, и тот победно завершил долгую

Кавказскую войну, пленил предводителя горцев. Имам, которого считали величайшим полководцем Востока и самым непримиримым врагом России, выступил с посланием, потрясшим весь Кавказ: «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь служению Белому Царю, благодарениями которого он теперь пользуется».

В 1856 году министерство иностранных дел возглавил уже молодой дипломат Александр Горчаков. И в нем государь не ошибся. После Крымской войны требовалось вывести Россию из международной изоляции, добиться отмены унижительных статей Парижского мирного договора. Шаг за шагом Горчаков и его венценосный шеф решали поставленные задачи. Не менее эффективно дей-

Александр II с семьей

ствовавали и на восточном направлении. В 1858-м Россия заключила с Поднебесной Айгунский, а в 1860-м — Пекинский договор, без единого выстрела получила обширные территории Приамурья и Уссурийского края.

Царь приблизил Дмитрия Милютина, ставшего не только военным министром, но и просветителем армии. Солдатские школы перекрывали все успехи министерства просвещения в деле ликвидации безграмотности.

А разве можно не упомянуть в этом контексте Михаила Скобелева? Неистового честолюбца сторонились многие вельможи. Если бы монарх не разглядел в нем «своего Суворова», то вряд ли Белый генерал сумел бы столь ярко проявить себя на полях брани от Хивы до Адрианополя.

В последние годы царствования Александра II его ближайшим советником стал Михаил Лорис-Меликов. Сперва он показал себя как расторопный офицер, потом — как талантливый полководец. На его счету, к примеру, штурм неприступной турецкой крепости Карс в ноябре 1877 года. В начале 1880-го Михаил Тариелович получил широкие полномочия, принялся за разработку новой реформы, призванной стать для России лекарством от революции. Современник писал про него: «Умеренный постепенец, защитник органического прогресса». Схожую характеристику можно дать воззрениям и самого царя, намеревавшегося сделать шаг в сторону конституционной монархии. Разумеется, речь шла не о слепом подражании британским образцам. Традиции самодержавия надлежало учитывать. Во многом реформаторы возвращались к устоям Московской Руси с ее самоуправлением, Земским собором, игравшим порой ключевую роль в национальной истории.

А. Бяргинский

А. Горчаков

М. Скобелев

А в Туркестане надежной опорой государства надолго стал Константин фон Кауфман.

Опытный военный инженер генерал Кауфман оказался блистательным управленцем. Он участвовал в Кавказской войне, воевал с польскими повстанцами, в 1867-м возглавил Туркестанский округ. Не случайно одна из самых высоких гор на земле — ее открыл на Памире путешественник Алексей Федченко — с 1871 года называлась пиком Кауфмана (в советское время — пик Ленина). Константин Петрович целое десятилетие мотался между Петербургом и Средней Азией, каждый важный шаг обсуждая с императором. Последний вовсе не стремился прослыть завоевателем, не допускал авантюризма в политике, искал компромиссы. Неумную энергию генерала приходилось сдерживать. И тем не менее за десять лет Россия провела в том регионе пять относительно крупных военных кампаний. В результате в состав империи вошли Кокандское ханство, Бухарский эмират и Хива. Русские не разрушали традиционный уклад тех монархий, но с пережитками варварства Царь-освободитель боролся везде, где мог.

На Востоке у нас были (и остаются) три великих соседа — Иран, Индия и Китай. В середине XIX века туда устремилась Британская империя. Англичане давно хозяйничали на приморских территориях Индии. Управлять далекими колониями — дело непростое, поэтому хозяева Лондона задумывались не только о военной, но и о дипломатической экспансии. Задействовали и разведку.

Александр II понимал, что британцы — руками кочевников — рано или поздно ударят в подбрюшье России. Наша армия все глубже продвигалась в Среднюю Азию, дабы обезопасить «от англичанки» собственные рубе-

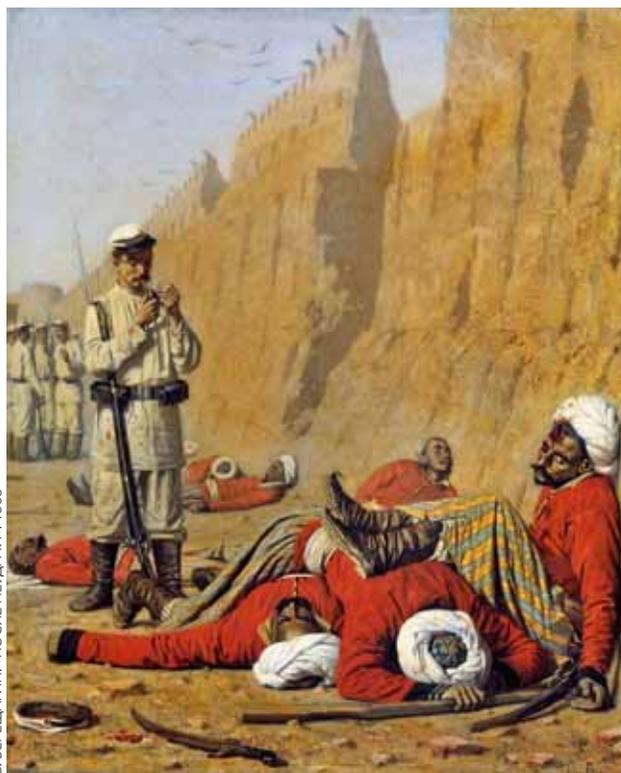
жи. В каждом ханстве или эмирате русские первым делом запрещали рабовладение и работорговлю. За всеми вооруженными выступлениями туркмен или киргизов стояли английские денежные мешки. Незадолго до своей гибели самодержец подписал указ о повышении в чине Скобелева, разгромившего самое воинственное из среднеазиатских племен — текинцев. Россия никогда не бросала туда несметных армий, действовала небольшими отрядами. «Туркестанские генералы» завоевывали победы малой кровью, берегли солдат. Не зря их воспевал Николай Гумилев:

*Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;
Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой...
— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана». —
И сразу сердце защежит,
Тоска по солнцу Туркестана.*

Охота на царя

Почему же именно в эпоху Александра II Россия заразилась вирусом революционного радикализма? Тут все совпало: и либеральные послабления, и экономические неурядицы, и упадок самодержавной идеологии, и многое другое. Прежний император неизменно разгуливал по городам и весям без телохранителей. «Его стража — весь народ русский», — так объяснял этот факт писатель Михаил Загоскин. К концу 1860-х о минувшем благолепии больно было вспоминать. Весной 1862 года Петр Заичневский, сидя в камере Тверской полицейской части, составил прокламацию «Молодая Россия», в которой террор открыто признавался «достойным» средством борьбы за светлое будущее.

Первое покушение на жизнь Александра Николаевича в 1866 году потрясло Россию. Недоучившийся студент дворянского происхождения, член тайного революционного общества Дмитрий Каракозов навел на императора дуло пистолета в Летнем саду. К счастью, во время выстрела террориста ударили по руке, и он промахнулся. Спас государя случайный прохожий, шапочных дел мастер Осип Комиссаров. В воззвании Каракозова говорилось: «Я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел — я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся». Са-

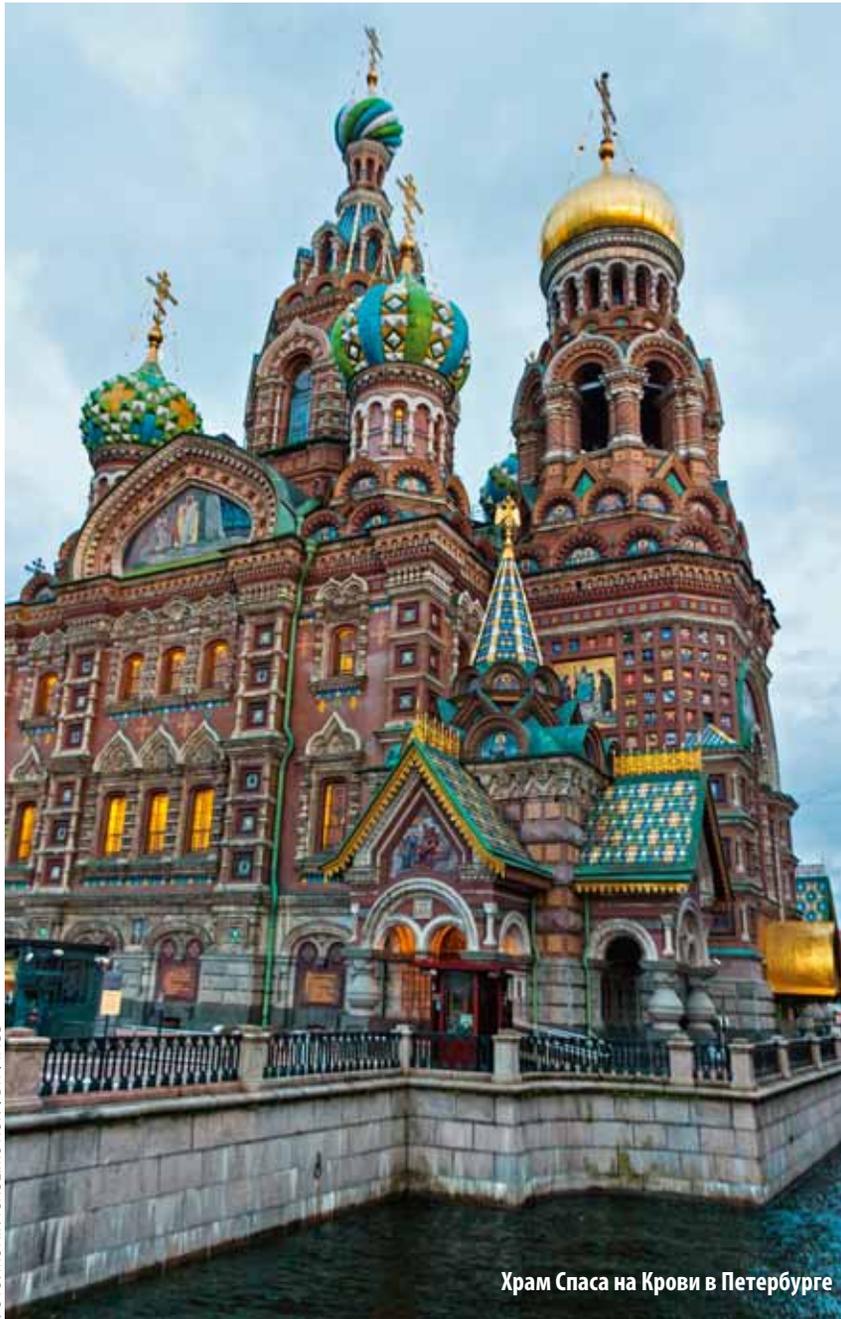
В. ВЕРЕЩАГИН. «ПОСЛЕ УБИЙСТВА». 1868

мый радикальный критик самодержавия Александр Герцен осудил терроризм. Но джинн уже выбрался из бутылки.

Три попытки устроить крушение царского поезда предпринимались осенью 1879-го. В конце зимы 1880-го Степан Халтурин произвел взрыв в Зимнем дворце — император не пострадал. Восьмое покушение оказалось роковым: в районе Екатерининского канала столицы 13 марта 1881 года царь был смертельно ранен. Россия оплакивала государя, ставшего за время своего правления ее символом. Террористы не добились поставленной цели: поколебать трон не удалось, равно как и превратить аграрную страну во взбаламученное море. В крестьянской среде ходил слух: Царя-освободителя убили дворяне ради восстановления крепостного права. Интеллигенция же надолго раскололась — на консерваторов, либералов и социалистов, с тенденцией к усилению радикальной линии.

За 26 лет царствования Александра II границы империи расширились весьма существенно. Население увеличилось более чем на треть. В те годы Россия обрела себя. Родная речь звучала не только во флигелях для дворни. В гимназиях изучали Пушкина и Гоголя. Новейшими властителями дум становились отечественные, а не чужестранные мыслители. Немцы у нас стремительно обрусели, да и французский язык потерял «право первородства». В этом смысле Александр Николаевич продолжал политику отца. И действовал довольно успешно.

Великие реформы прошли проверку на прочность. Нововведения эпохи — принцип всеобщей воин-

Храм Спаса на Крови в Петербурге

ФОТО: МОНИКА SKOLIMOWSKA/DRA/ТАСС

ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА II В 1867 г.

ской повинности, суд присяжных, адвокатура — не устарели и сегодня. Болгария избавилась от османского владычества, а русская литература пережила период наивысшего расцвета. Ни Лев Толстой, ни Федор Достоевский, ни Иван Тургенев не являлись апологетами этого самодержца, однако лучшие свои книги написали в период его царствования. Главный реформатор, увы, не успел ощутить экономический эффект от своих преобразований — для страны тогда были далеко не самые благополучные времена: Америка теснила Россию на мировом аграрном рынке, многие губернии по нескольку раз пережили неурожаи и голод. Заметный промышленный рост начался только в последние годы его правления.

Подводя некую черту, нелишне учесть и следующее обстоятельство: без Александра II не было бы Александра III — эта простая истина очень многое говорит тем, кто любит и чтит нашу великую историю.

Ни одному русскому правителю не было установлено столько памятников, сколько Царю-освободителю. Почти все они оказались разрушены после революции 1917 года. А лучший монумент — построенный на месте его убийства в Петербурге девятиглавый храм Спаса на Крови, напоминающий величественные соборы Московской Руси. Государь, родившийся в Москве, по природному нраву, наклонностям, темпераменту был истинно русским человеком. Архитектору Альфреду Парланду и архимандриту Игнатию (Малышеву) удалось подчеркнуть эти черты монарха.

Каждый день тысячи людей любуются гармонией красивейшего храма и набережной канала. На этом перекрестке даже если и не вспомнишь убиенного самодержца, то все равно в душе что-то шевельнется, как-то аукнется.

ФОТО: СЕРТЕЙ САМОХИНИ/РИА НОВОСТИ

Сибирь: золото и кровь

Елена Мачульская, Омск

В этом году сибиряки отмечают небывалое количество знаменательных и памятных дат (в том числе, увы, трагических, связанных с революционной междоусобицей), но самое большое внимание на просторах «азиатской» части России будет приковано, судя по всему, к 310-летию создания Сибирской губернии. Ее, с центром в старинном граде Тобольске, образовал Петр Великий — в перерыве между баталиями Северной войны. Несколькими годами позже первый губернатор Сибири Матвей Гагарин станет посылать монарху дорогие подарки: китайский фарфор, ткани, кедровые деревья для царского сада, золото из раскопанных курганов.

Камень преткновения

Древним золотом интересы державы в отношении огромного края, разумеется, не ограничивались. Строились крепости, населенные пункты, границы империи отодвигались все дальше на юг и восток, военные экспедиции искали россыпи драгметаллов и кратчайший путь в Индию.

Лежащие далеко за Камнем — так некогда назывались Уральские горы — обширные земли веками оставались для русских краем таинственным, неизведанным. После XVI века он стал ближе и понятнее — в середине того же столетия послы мурзы Едигера обратились к Ивану IV с челобитной, прося о том, чтобы он «всю землю сибирскую взял в свое имя» и защитил от неприятелей. Обещали платить дань соболями и прочей пушшиной. Однако русское подданство не помогло Едигеру в борьбе с ханом Кучумом. Последний от этих договоренностей наотрез отказался, и последующие события развивались по всем известному, хрестоматийному сценарию: поход Ермака, взятие ханской столицы Искера...

Борьба с Кучумом продолжалась почти четверть века, но еще до ее завершения здесь начали появляться наши города. В 1586 году доблестные предки заложили Тюмень, на следующий год неподалеку от Искера основали Тобольск, вскоре ставший административным центром Руси за Уралом. После возникли другие крепости и остроги.

В конце XVII столетия власти в полной мере осознали насущную потребность в подробных картах вверенных им территорий. В 1696-м Боярская дума постановила «велеть всем сибирским городам и с уезды, русских деревень, и волостей, и с ясачными волостями написать чертежи на холстине, и сколько верст или дней ходу город от города, и на каких реках те города, и уезды, и ясачные волости стоят, и то описать на чертеже именно».

Долгое время Тарский, Томский, Кузнецкий и Красноярский уезды являлись пограничными. Дальше простиралась вольная степь. Эти рубежи не определялись никакими письменными соглашениями, однако были более или менее постоянными. Все кардинально изменилось во втором десятилетии XVIII века. Решительное продвижение русских к истокам Оби и Иртыша связано с именем первого сибирского губернатора Матвея Гагарина (тоже, кстати сказать, юбиляра этого года, родившегося в 1658-м).

Он первым заявил о притязаниях на земли южных соседей. Низовья Иртыша, Оби и Енисея были присоединены к нашему государству в XVII столетии. Верховья все еще находились за пределами российских владений. Теперь же посол, которого в июне 1713-го губернатор отправил в ставку ойратского правителя, должен был утверждать: реки сибирские, от устья и до истоков, принадлежат России. Следовательно, и тамошняя суша, на которой обитают западные монголы и иные народы, отходит в собственность русского царя.

Н. КАРАЗИН. «КАЗАКИ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ЛИНЕЙНЫХ КРЕПОСТЕЙ». 1891

«А ежели он станет говорить, что он, контайша, кочует на тех землях, и ему отповедь чинить на то слово: многие иноземцы кочуют и не подданные на землях царского величества под городами Астраханью, и Самарою, и Царицыным... а своею землею николи не называют и ссоры с людьми царского величества те иноземцы никогда не чинят», — таков был наказ Гагарина, которого ничуть не смущало, что прежде ни один русский не проживал близ истоков Иртыша.

Губернатор планировал военное продвижение в Центральную Азию. Его манил блеск золота, что добывалось недалеко от города Яркенда в Малой Бухарии (сейчас — территория Китая).

Две экспедиции

В начале 1714-го он выезжал в столицу, чтобы представить пред светлые царевы очи тамошний золотой песок и рассказать про «городок калмыцкой Эркетъ, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото».

Гагарин предложил план военного похода для завоевания промыслов. По его мнению, для того чтобы продвигаться в глубь ойратской

территории, нужно было одну за другой строить на своем пути крепости.

Незадолго до этого русский самодержец беседовал в Петербурге с неким Ходжой Нефесом из туркменов, и тот поведал: в прикаспийских степях есть старое русло Дарьи, когда-то впадавшей в Каспий. Предки хивинцев отвели воду оттуда в Аральское море, но если разрушить плотину, то река вновь станет судоходной. Туркмен уверял, что он и его сородичи окажут русским всяческую поддержку и что где-то во владениях хивинских ханов, несомненно, моют золото.

Рассказ Гагарина дополнил сообщения Нефеса, и монарх решил отправить в Азию сразу две экспедиции: одну — от верховьев Иртыша в Малую Бухарию, вторую — от Каспийского моря в Хиву.

На рапорте сибирского губернатора царь в начале лета 1714-го написал резолюцию: «Построить город у Ямыш озера, а буде мочно и выше, а построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лотки пройти могут, и от того итти далее до города Эркетю». Сложная миссия «трудитца тот городок достать» выпала на долю офицера Преобра-

женского полка Ивана Бухгольца. Петр знал его еще со времен пешных войск. Кроме того, назначенцу было предписано «стараться проведать о устье упомянутой Дарьи реки, куда она устьем своим вышла».

Вторая экспедиция, командовать которой оказалось суждено еще одному «птенцу гнезда Петрова», князю Александру Бековичу-Черкасскому, должна была обследовать окрестности Каспийского моря и установить, впадает ли в него Амударья. Предполагалось, что два отряда решат свои задачи в относительной близости друг от друга, наладив сообщение между собой через гонцов.

Ж.-М. НАТЪЕ. «ЦАРЬ ПЕТР». 1717

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Гагарин против Петра?

Царя интересовало не только азиатское золото. Он, как и его предшественники на престоле — со времен «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, — мечтал проложить путь через Среднюю Азию в богатую Индию, сквозь земли, зиявшие тогда сплошным белым пятном на географических картах. А если сказочную страну посредством Амударьи удастся связать с Каспийским морем, то на Руси замкнутся важнейшие торговые пути, и она станет богатейшей державой, — так думал русский самодержец, не подозревая, что его смелый план невыполним в принципе. Проблема в том, что упоминаемая им Дарья (Яркенд-дарья) с Амударьей не связана, их разделяет высокогорный Памир, да и водного пути в Индию ни одна из этих рек не гарантирует. Увы, о географии Средней Азии наши соотечественники имели в ту пору весьма смутное представление.

Как бы там ни было, Гагарин царскому решению отнюдь не обрадовался, он рассчитывал поставить во главе экспедиции своего человека. Бухгольцу пришлось действовать вопреки губернаторским планам. У него не было ни обученных солдат, ни точных сведений о местности. Государственные интересы столкнулись с личными амбициями полновластного хозяина земли Сибирской, и неудивительно, что столь сложное дело завершилось провалом. Бухгольц с остатками отряда был вынужден отступить, вернуться не солоно хлебавши, разрушив при этом построенную у Ямышевского озера крепость. Зато соорудил на обратном пути другую — ту, что стала впоследствии городом Омском.

Бековичу-Черкасскому было в этом смысле несколько легче — в европейской части страны войск оказалось в достатке. Он набрал людей из Астраханского гарнизона и с ними обследовал побережье Каспия. Туркмены показали им высокий земляной вал и дол, который считали старым руслом некоей реки. Весь пройденный маршрут был нанесен на карты. А в 1716 году князь поставил там три русские крепости.

В Сибири же продолжили торить путь в Азию. Начальной точкой продвижения вверх по Иртышу служила теперь основанная Бухгольцом Омская крепость.

Гагарин по-прежнему горел идеей приумножения числа русских форпостов вдоль правого берега реки. Теперь из сибирской столицы отправлялись уже не наспех обученные рекруты, а солдаты-сибиряки под командованием земляков-офицеров.

Летом 1716-го полковник драгун Федот Матигоров возвел на Ямышевском озере новый опорный пункт. Примерно через год трехтысячный отряд подполковника Прокофия Ступина вместо малого острога построил в районе слияния Оми и Иртыша регуляр-

ную крепость европейского типа. Туда же был вскоре послан тобольский обер-комендант Семен Карпов, который должен был контролировать действия властей Тарского уезда по возведению крепостей между Омской и Ямышевской.

За неполных три года сибирским военным удалось продвинуться на сотни верст вверх по Иртышу, расширяя границы империи.

Начатое князь Гагарин завершить не успел. В 1719 году он впал в немилость, был арестован по обвинению в лихоимстве и вскоре казнен. Широко известна характеристика, данная ему Петром I: «Он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на его место иной». Некоторые историки утверждают, что первый сибирский губернатор намеревался отделить свои владения от России, якобы для этого он начал производить в Тобольске порох и сформировал полк, состоящий из пленных шведов. Насколько эти утверждения соответствуют правде, мы никогда не узнаем.

Русская конкиста печально завершилась и для другого ее участника. Бекович-Черкасский, которому поначалу вроде бы сопутствовала удача, в 1717 году с отрядом в шесть тысяч человек направился в сторону предполагаемой плотины на Амударье. Этот стремительный бросок к границам Хивинского ханства убедил местного правителя, что русские идут не с посольством, а с войной. Поняв, что в открытом столкновении шансов у хивинцев нет, хан Ширгази пошел на хитрость: предложил нашему князю разделить его войско на пять отрядов, чтобы по отдельности их смогли прокормить разные городки. В итоге все закончилось гибелью руководителя экспедиции и его подопечных, впоследствии даже поговорка появилась — «пропал как Бекович».

Больше всего повезло, как ни странно, чудом вернувшемуся из безнадежного похода Бухгольцу. Сенат установил, что его предприятие потерпело неудачу из-за плохой подготовки, осуществлявшейся другими людьми, и признал Ивана Дмитриевича «годным к лучшему делу».

Ни отыскать водный путь в Индию, ни завоевать золотые промыслы участникам тех событий не удалось. Общие потери составили около 8000 человек, но к Российской державе в результате были присоединены огромные территории.

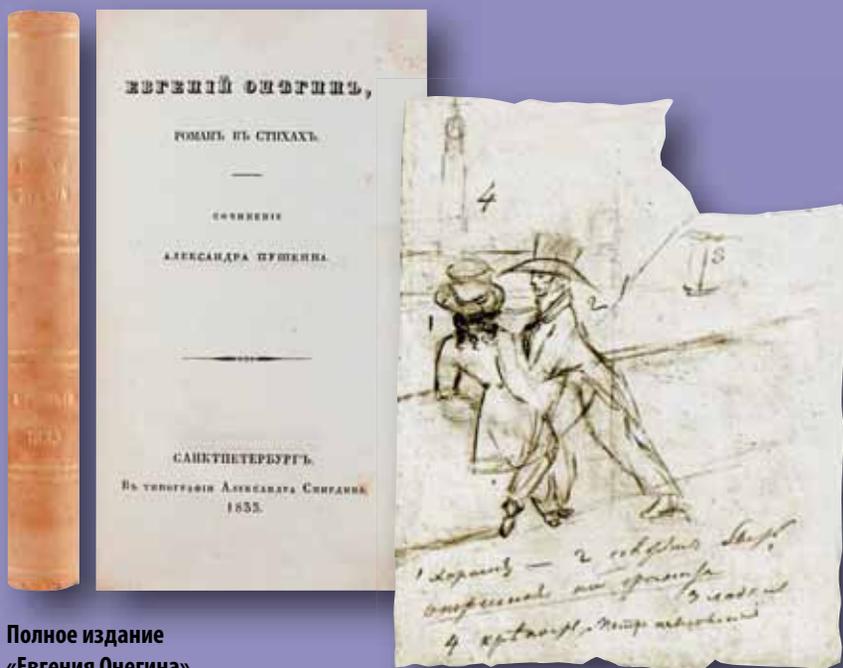
На место Гагарина в недавно созданную губернию прибыл князь Алексей Черкасский, по характеристике современников, «человек молчаливый, тихий, который повсюду являл осторожность». В течение пяти лет управления Сибирью его деятельность ограничивалась принятием оборонительных мер против башкир и монголов. Но это — уже совсем другая страница истории, к череде великих свершений, оплаченных очень дорогой ценой, едва ли относящаяся.

Имена и даты

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Сергей Рахманинов

Полное издание «Евгения Онегина»

1 апреля

145 лет со дня рождения Сергея Рахманинова

НА ВЫПУСКНОЙ экзамен в Московской консерватории он представил одноактную оперу «Алеко» по поэме Пушкина «Цыганы», написанную за две с половиной недели. Произведение дебютанта буквально очаровало экзаменатора Чайковского, и тот поставил своему «музыкальному внуку» — Рахманинову учиться у Сергея Танеева, ученика Петра Ильича, — пятерку с тремя плюсами. Спустя год опера 19-летнего автора уже шла в Большом театре. Так начиналась блестящая музыкальная карьера композитора, признанного во всем мире.

Положительно воспринявший падение самодержавия, он решительно отверг Октябрьскую революцию и уехал из России. Прожил почти половину жизни за границей и тем не менее всегда ощущал себя русским человеком. В годы Второй мировой Сергей Васильевич дал в США не-

сколько благотворительных концертов в пользу Красной армии. Свой вклад в общее дело сопроводил такими словами: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу».

2 апреля

185 лет назад впервые увидело свет полное издание «Евгения Онегина»

ВИССАРИОН Белинский назвал это произведение «энциклопедией русской жизни», и с данным определением никто не спорит: исследователям национального быта первой четверти XIX столетия роман в стихах оказал ни с чем не сравнимую услугу. Нелишне подчеркнуть, что и для филологов с литературоведами он — неисчерпаемый кладезь всевозможных премудростей.

Взять, к примеру, первое же четверостишие: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он

уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Что значит «уважать себя заставил»? Одни говорят, что это некогда расхожая идиома, соответствующая в современном языке фразе «приказал долго жить». Другие настаивают на том, что речь идет не о констатации смерти дядюшки, а о его предсмертном состоянии и реальной угрозе лишить племянника наследства. Третьи выдвигают какие-то иные и тоже принципиально недоказуемые версии.

А зачем Александр Сергеевич использовал сразу два подлежащих — «дядя» и «он», хотя вполне мог обойтись одним? В каком значении употреблен подчинительный союз «когда», не является ли он заменой лексемы «если»? Можно ли считать выражение «самых честных правил» аллюзией на крыловскую басню про осла?..

Самое ценное в подобных загадках, наверное, то, что разгаданы они никогда не будут. И в этом, надо полагать, еще один признак гениальности пушкинского сочинения.

3 апреля

85 лет назад советский хирург Юрий Вороной провел первую в мире операцию по пересадке почки

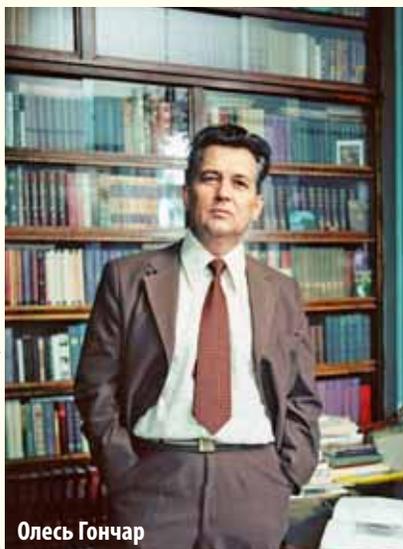
В КЛИНИКУ, в которой в 1933 году работал Вороной, привезли 26-летнюю пациентку при смерти. Она пыталась покончить с собой, приняв внутрь большую дозу сулемы (хлорида ртути). Чтобы спасти женщину, ей было необходимо как минимум пересадить почку. Последнюю изъяли из тела недавно скончавшегося мужчины 60 лет. Хотя группы крови донора и реципиента не совпадали, Юрий Юрьевич рискнул провести невиданную операцию. Больная прожила с трансплантированным органом чуть больше двух суток, и тем не менее успех был очевиден: почка довольно продолжительное время функционировала.

Удивлять своими достижениями мировую медицину наши хирурги не прекращали весь XX век.

3 апреля

100 лет со дня рождения Олесь Гончара

В 1943-М МИНОМЕТЧИК, старший сержант Александр Гончар не расставался с бумагой и карандашом. В минуты фронтового затишья записывал собственные мысли, наблюдения, раздумья, стихотворные строчки.

Олесь Гончар

ФОТО: ВАСИЛИЙ МАЛЫШЕВ/РИА НОВОСТИ

За годы войны был и ранен, и пленен, но, к счастью, уцелел. И пребывал в полной уверенности, что его хранят некие таинственные силы либо молитвы родных (что для верующего человека, в общем-то, одно и то же).

Как писатель он прославился в 1948 году романом «Знаменосцы». Потом из-под его пера выходили другие книги, например «Человек и оружие» (название перекликается с заглавием известного произведения Эрнеста Хемингуэя).

Самое значительное сочинение Гончара — «Собор» — о храме, приговоренном к уничтожению. Это, по мнению автора, не просто варварский слом архитектурного объекта, но разрушение душ людских, глумление над памятью. В роман сразу вцепились яростные критики, хулители, угрожавшие литератору расправой.

Но за Гончара снова вступились могущественные силы. На сей раз их олицетворял не кто иной, как генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

13 апреля

135 лет со дня рождения Александра Александрова

А ВТОР музыки для национального гимна великой страны — человек по определению выдающийся, и даже если бы наследие композитора ограничивалось лишь этой мелодией, его имя все равно было бы вписано в скрижали истории. А в первые дни Великой Отечественной Александров (совместно с поэтом Василием Лебедевым-Кумачом) создал еще одно гениальное произведение — «Священную войну».

Мобилизующая мощь, трагическая экспрессия, духовная энергетика песни таковы, что едва ли можно сравнить ее с какой-либо другой. В нашей классической литературе более всего ей по духу соответствуют крылатые гоголевские строки: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Выступая в мае 2007-го в Брюсселе, в штаб-квартире НАТО, ансамбль песни и пляски Российской армии имени Александрова начал свою концертную программу исполнением «Священной войны», и данный факт был многими воспринят как вызывающе-

Юрий Вороной

Александр Александров

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Екатерина II

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

символический. Были и те, кто увязал его со знаменитой мюнхенской речью Владимира Путина, прозвучавшей тремя месяцами ранее.

19 апреля

235 лет назад Екатерина Великая издала манифест о присоединении Крыма к России

ИЗДАНИЮ документа, подтверждающего наше право на Крым, предшествовала Русско-турецкая война 1768–1774 годов. Подписанный по ее итогам Кючук-Кайнарджийский мирный договор положил начало присоединению полуострова к Российской империи. Сохраняющаяся угроза со стороны Турции вынуждала строить мощные укрепленные линии на южных рубежах страны и отвлекала силы и средства от хозяйственного освоения пограничных губерний. В декабре 1782 года Григорий Потемкин, как наместник этих областей, обратился к Екатерине II с меморандумом: «Всемилоштивейшая государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит... Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите и такую,

какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть будет, запирает ход туркам и кормить их или морить с голоду». Весной 1783 года было решено, что Потемкин будет лично руководить присоединением Крымского ханства к России. 19 апреля императрица подписала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Однако обнародован он был лишь 9 июля 1783 года в ходе торжественной присяги крымской знати, которую принимал лично князь Потемкин. Окончательное признание присоединения Крыма к России последовало лишь через несколько месяцев, когда Россия и Турция подписали «Акт о мире, торговле и границах обоих государств», которым отменялась статья Кючук-Кайнарджийского мирного договора о независимости Крымского ханства.

19 апреля

75 лет назад постановлением СНК СССР была создана военная контрразведка СМЕРШ

ДО ОБРАЗОВАНИЯ организации с аббревиатурой, означающей «Смерть шпионам», ее функции по

борьбе с диверсантами и дезертирами, перебежчиками и коллаборационистами, недавно засланными и давно затаившимися агентами врага выполняли особые отделы НКВД. В советские времена о СМЕРШе в нашей прессе упоминали нечасто. В 1990-е, напротив, стало чуть ли не хорошим тоном беспрестанно его шельмовать и демонизировать.

Добрую службу в деле восстановления исторической справедливости сослужил отечественный кинематограф. Например, после сверхпопулярной, основанной на реальных событиях ленты «В августе 44-го» (по книге Владимира Богомолова) настаивать на том, что смершевцы играли в судьбе страны преимущественно негативную роль, стало просто неприлично. Капитан Аলেখин в исполнении Евгения Миронова и старший лейтенант Таманцев, сыгранный Владиславом Галкиным, хотя и не произносили в кинокартине названия своей службы — ее основные качества россиянам продемонстрировали сполна.

Кстати, прототипам главных героев фильма, снятого Михаилом Пташук, не довелось отпраздновать Победу. В последнюю зиму Великой Отечественной они отдали свои жизни за Родину. И — за всех нас, включая тех, кто в годы «реформ» сочинял и транслировал о СМЕРШе злобные небывлицы.

25 апреля

115 лет со дня рождения Андрея Колмогорова

«**МАТЕМАТИК** — это человек, умеющий находить аналогии между утверждениями. Лучший математик — тот, кто устанавливает аналогии доказательств. Более сильный может заметить аналогии теорий. Но есть и те, которые между аналогиями видят аналогии».

Заключительной фразой мудреного высказывания Стефана Банаха вполне можно охарактеризовать Андрея Колмогорова, относившего именно к последней, самой «продвинутой» категории. Он считал своей главной специализацией теорию вероятностей, но при этом успешно

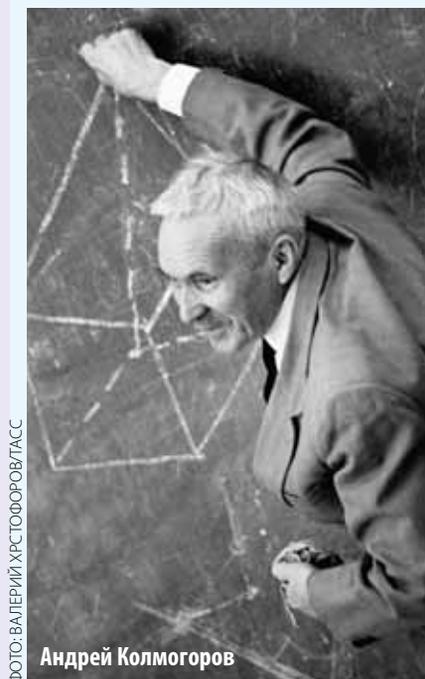

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ХРСТОФОРОВ/ТАСС

Андрей Колмогоров

трудился и в других областях математики. Был невероятно талантлив. По свидетельству его коллеги Владимира Успенского, принадлежал к тому типу ученых, которые способны внести свежую струю в любую отрасль знаний. Например — применить математический метод в изучении стиха. В частности, Колмогоров занимался творчеством Владимира Маяковского и составил уникальную статистическую систему, где показаны крайне любопытные соотношения ударных и безударных слогов, коротких и длинных поэтических строк. И хотя в отношении учебников, изданных под руководством Андрея Николаевича, в нашем научном сообществе бытуют разные мнения, его вклад в дело отечественного образования огромен.

К. ГОРБАТОВ. «РАННЯЯ ВЕСНА. ГОРОД НА РЕКЕ», 1916

Воистину красна весна

Валерий Шамбаров

«Какое утро!.. Окна открыты в тополь, и в нем золотисто-зелено. Тополь густой теперь, чуть пропускает солнце, на полу пятна-зайчики, а в тополе такой свет, сквозисто-зеленоватый, живой, — будто бы райский свет... Мы его сами делаем: берем в горстку пучок травы — только сжимать не нужно, а чуть-чуть щелки, — и смотрим через нее на солнце: вот он и райский свет! Такого никак не сделать, а только так, да еще через тополь, утром... только весенним утром, когда еще свежие листочки. Воздух в комнате легкий, майский, чуть будто ладанцем, — это от духового тополя, — с щекотным холодочком. Я не могу улежать в постели, вскакиваю на подоконник, звоню за ветки, — так все во мне играет!» — писал в «Лете Господнем» Иван Шмелев, ностальгически вспоминая один из дней Фоминой недели. В нынешнем году Пасха у нас ранняя, апрельская, однако общее настроение, чувства русских, православных людей, характерные для этой поры, едва ли будут сильно отличаться от тех, что описаны Иваном Сергеевичем.

Русская горка

Святой равноапостольный князь Владимир после языческого новгородского восстания в конце X века принял мудрое, дальновидное решение: запретил принудительно крестить страну и народ. Отныне сперва проповедники готовили почву, разъясняя людям истинную веру, а уж потом проводили сам обряд. Это видно по исторической хронологии — Смоленск принял крещение только через двадцать три года после Новгорода. Православие охватывало Русь в течение более 100 лет. Зато вращало прочно, становилось подлинно народной религией.

Латиняне действовали иначе: обращали — якобы на путь истинный — одним махом, сообразуясь с приказом того или иного властителя. Их священники разъезжали по городам и весям с отрядами солдат и крестили не погружением — окроплением. Причем кропили не каждого в отдельности, а сразу целые толпы, чтобы побыстрее управиться. Затем всех объявляли христианами, и присланный церковник начинал собирать с них «десятину», напроочь искореняя прежние устои и обычаи.

Русская практика постепенного внедрения христианства имела совершенно иную специфику. Священник или монах, пришедший к людям с проповедью, жил и общался в их среде. Нередко сам был из вчерашних язычников, во всяком случае, смысл древних ритуалов понимал отменно. Поэтому нащупывал подход к будущей пастыве крайне осторожно, бережно. С ходу отвергалось лишь то, что прямо противоречило Христовой вере и общечеловеческой морали. Остальное сохранялось, превращалось уже не в языческую, а чисто народную традицию. Так создавался неповторимый мир русского православия, строгого и проникновенного, направляющего всю сознательную жизнь человека, и при этом яркого, красочного, светлого — такого, в котором церковные каноны и обряды причудливо и в то же время органично переплетались с прежней национально-культурной основой. Один из примеров подобного симбиоза — празднование Красной горки.

Название появилось в глубокой древности. Горки-пригорки, будучи местами поклонения славянским божествам, первыми освобождались от снега, покрывались свежей травкой, а где-то и ранними цветочками. В общем, становились красными (красивыми), придавая дополнительный эффект празднику воскрешения живой природы.

Преданья старины глубокой

В дохристианский период на Красную горку было принято вспоминать умерших. Для них в домах накрывали столы, на могилах устраивали поминальные трапезы. И радостно встречали приход долгожданной весны.

С помощью магических ритуалов старались активизировать силы плодородия, жгли костры во славу Дажбога, особыми песнями приветствовали на

рассвете солнце, кланялись ему хлебом и другими подношениями.

Водили хороводы, которые также символизировали небесное обращение светила, являлись способом ему «помочь» и самим с ним «соединиться». Похожий смысл заключала в себе игра в горелки: «Гори-гори ясно, чтобы не погасло». Просили наши далекие предки у своих богов и дождя для будущего урожая. Если он шел (тем более с первой грозой!), то это воспринималось как очень хорошее предзнаменование, люди непременно умывались небесной водой.

Весеннюю буйную энергию природы отождествляли с образом Ярилы, Яр-Хмеля — на Красную горку он пребывал в максимальной силе.

По такому случаю молодые люди устраивали массовые пляски, игры. Выбирали суженых, планировали и справляли свадьбы. Считалось, что ребенок, зачатый в это время, вырастет сильным, здоровым, жизнерадостным. Да и родится он посреди зимы, когда нет надобности подолгу трудиться — урожаи собран, продовольствия в досталь. В разгар празднования парень намечал избранницу, будто бы в шутку обливая девушку водой. Но после такого знака внимания был обязан посвататься. Иначе — могли и побить.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Для повзрослевших юношей и девиц не прийти на общие гулянья (а для родителей — не пустить туда своих чад) считалось неприличным, за подобное навешивали оскорбительные прозвища.

Молодоженов чествовали обрядом вьюнишника, похожим на всем известное колядование. Собирались большие группы парней и девчат, обходили деревни — свою и соседние. Под окнами пели вьюнишные песни, танцевали, а те, кто становились супругами, выносили им угощение. В других домах таких гостей просто-напросто одаривали крашеными яйцами. (Они — как символ возрождения жизни — тоже пришли к нам из далеких, дохристианских времен.) Вьюнишники несли особый смысл: поддерживали единство сельской и родовой общины, закрепляли правило, согласно коему семья — лишь часть ее.

Антипасха, или Фомина неделя

Казалось бы, что может быть общего между древнеславянской Красной горкой и православной Антипасхой, или Фоминой неделей... Греческая приставка «анти» в данном случае используется не для противопоставления, но в значении «подобная».

Согласно Священному Писанию, воскресший из мертвых Христос в день Пасхи, вечером, явился апостолам. Один из них, Фома, при этом отсутствовал, а узнав о произошедшем, заявил: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20: 25).

На восьмой день Спаситель вновь предстал перед учениками и предложил Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; поддай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ:

ФОТО: ИГОРЬ ЗАРЕМБО/РИА НОВОСТИ

ФОТО: ВИТАЛИЙ АНЬКОВ/РИА НОВОСТИ

Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20: 27–28)

Праздник Антипасхи, таким образом, утверждение истинного Воскресения, явленный всем знак избавления от смерти вечной. В словах Христа к Фоме содержится предельно лаконичный, однако хорошо понятный для православных завет: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20: 29).

Заметим, что воскресенье у христиан считается первым днем недели и — одновременно — «восьмым». Семь дней Господь творил мир, а затем установил Царство

Божие, где времени в обычном для нас смысле не существует. Так же следует понимать и Антипасху — «восьмой день» Пасхальной недели знаменует обновление мира Воскресением Христовым, чему Он дал свидетельство, явившись Фоме.

Очевидные параллели между великим пасхальным преображением и весенними метаморфозами еще в IV веке отметил св. Григорий Богослов: «Ныне весна естественная, весна духовная, весна для душ, весна для тел, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ее там, прекрасно изменившись здесь, и обновленны-

ми прейдя в новую жизнь, о Христе Иисусе Господе нашем». Так что церковный праздник в начале Фоминой недели с древними ритуалами, совершавшимися в эту пору, сочетается вполне органично.

Опять же, шумные забавы, громкие песни, веселые танцы в период Поста Русской церковью отнюдь не приветствуются. На Светлой седмице также не стоит устраивать карнавалы — это время духовной, молитвенной радости. А на Красную горку не просто можно, но и нужно выпустить накопившийся пар: пой, пляши, веселись, сколь душе угодно. Обычаи народной культуры и православия тут снова поразительно удачно совпадают.

Делу венец

Весна — пора любви: молодая кровь вовсю играет, а работники ЗАГСов едва справляются со своими служебными обязанностями. В Великий пост и на Пасхальной неделе венчания исключены. Красная горка — первый день, когда они после долгого перерыва разрешаются. И неудивительно, что именно в это воскресенье особенно много свадеб. Языческий смысл давно забылся, а традиция наполнилась христианским содержанием.

ФОТО: ПОЛИНА СОЛЛОВЬЕВА/ИНТЕРПРЕССТАСС

Изменились за века и обряды поминовения усопших. Воскресение Христово дало надежду на спасение всем, кто обращался и обращается к Нему и за кого Ему молятся. Пасху — праздник жизни, победы над смертью — не следует совмещать с церемониями почитания тех, кто навсегда ушел от нас. В следующие выходные — другое дело. Установки, пришедшие из далекого прошлого и привнесенные православием, опять же идеально сходятся. Когда-то на Красную горку тоже красили яйца, но не в красный цвет, а в желтый и зеленый — они считались поминальными.

Кое-что дошло до нас и из языческих ритуалов. Например, привычка лить на могилу хмельные напитки, оставлять на ней еду, включая те же крашенки. Порой яйцо зарывали в могильную землю, стараясь привязать это действие к религиозным понятиям: использовалось псевдоправославное обозначение — «похристосоваться» с покойным (подробнее на эту тему — в номере «Своего» за май 2016-го).

Как бы то ни было, христианская вера и древняя народная культура в душе русского человека слились воедино, а Красная горка служит наглядным проявлением такого синтеза.

Православие наполнило праздник встречи весны новым, куда более емким и глубоким содержанием. А наше исконное понимание этих торжеств помогает сохранять и укреплять веру. У абсолютного большинства из нас она, разумеется, на порядок слабее, чем у св. апостола Фомы, который прошагал со своим свидетельством Воскресения тысячи километров, мучительно изнемогал, избивал ноги в кровь, а в конце земного пути принял за Христа мученический венец в Индии.

Однако других человеческих свойств и чувств мы в массе своей не лишены. Вполне способны видеть (и даже осязать собственными перстами), как на красных пригорках поверх мертвой, слежавшейся под снегом травы пробивается нежная зелень, проклевываются первые цветки мать-и-мачехи; как даже на пнях погибших деревьев появляется и тут же тянется ввысь новая поросль; как все вокруг пронизано, насыщено воскресающей Жизнью.

Приветливо щебечут птицы, жужжат исчезающие на зиму насекомые, бурлит талая вода во вздувшихся ручьях и щедро поит землю, зазывно плещется в реках и озерах рыба. А где-то мелькают красочные русские сарафаны, звучат старинные песни-веснянки, кружатся хороводы, под задорный перезвон церковных колоколов родные и близкие поздравляют целующихся новобрачных.

Обычные весенние настроения прекрасны еще и тем, что помогают ощутить вселенскую, Пасхальную радость.

Философ о философе

Н.А. ТОНЕ. «ТРИУМФ ГИЛЬТИНЫ В АДЪ», 1795

Роман с революцией

Олег Ермишин, доктор философских наук

Бориса Яковенко в среде отечественных интеллектуалов знают как оригинального мыслителя, одного из редакторов журнала «Логос» (1910–1914, 1925), пропагандиста творчества германских философов в нашей стране, автора написанной в эмиграции «Истории русской философии» и множества статей. Его работы переводились и печатались на немецком, итальянском, чешском языках. Гораздо менее известен данный автор в качестве журналиста, публициста, историка русской революции — открытие этой части наследия Яковенко произошло сравнительно недавно.

БУДУЩИЙ философ родился 4 июня 1884 года в Твери, в семье революционеро-народников. Спустя много лет он признается: «Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни». В 1890–1893 годах вместе с матерью, обучавшейся в Лозанне на медика, жил в Швейцарии. По возвращении на родину был определен в частную гимназию в Петербурге. В 1903-м поступил в Московский университет. Постоянно общался с эсерами, разделял их взгляды, в декабре 1904-го принял участие в уличных беспорядках, а в марте следующего года его арестовали. Вскоре освободили, установив над ним полицейский надзор. В ноябре 1905-го Яковенко забрал из университета документы и отправился учиться в Германию — сначала в Гейдельберг, а затем Фрейбург.

Получив образование, в Россию на постоянное жительство не вернулся. Поселился на побережье Лигурийского моря, в Кави-ди-Лаванья (около Генуи), откуда часто навещался в Петербург и Москву по научным и издательским делам. В последний раз побывал на родине весной 1914 года. За событиями Первой мировой следил из лигурийской глубинки.

Февральско-мартовские события 1917 года, кардинально изменившие Россию, принесли перемены и в среду наших эмигрантов, живших на Апеннинском полуострове. Италия признала Временное правительство, и вскоре Яковенко переехал в Рим, дабы включиться в политическую и публицистическую деятельность. В конце 1917-го бывшее посольство «временных» под руководством Михаила Гирса начинает выпускать в итальянской столице газету *La Russia* (1917–1918), в которой Борис Валентинович становится одним из авторов и редакторов. Первый же номер издания открывается его программной

Б. Яковенко

статьей. В ней он провозглашает свой политический идеал, выражает надежду на грядущие позитивные сдвиги не только в его далекой стране, но и во всей Европе. По мысли Яковенко, мировая война, идущая вот уже три года, принесшая с собой гигантские потрясения и страдания, должна неизбежно завершиться победой демократических сил, сыграв тем самым, помимо разрушительной, и преобразовательную роль. Кровавопролитные сражения, полагает философ, ведут между собой не военнополитические альянсы — друг другу противостоят автократия, представленная Германией

и ее союзниками, и демократия, которую олицетворяют страны Антанты совместно с новой Россией. Последние участвуют в «великом походе во имя свободы народов и мира на всей земле». Идеалистический, в чем-то даже наивный, взгляд мыслителя на российскую действительность под влиянием новостей с родины постепенно меняется. Особенно потрясает известие о заключении Брестского мира с Германией. В августе 1918-го Яковенко шлет письмо со своей оценкой происходящих процессов в оргбюро «Союза возрождения России в единении с союзниками»: революция уничтожила старый государственный строй, но не создала качественно иной, основанный на гуманизме и народовластии; внешние враги воспользовались временной слабостью страны, чтобы ее расчленили и захватить. Автор послания призывает покончить с хаосом, целенаправленно стремиться к новому демократическому порядку, для этого власть должны взять здоровые силы, а не предатели, заключившие мир с врагом.

Резкая критика его тезисов внешне и усилившиеся разногласия внутри редакции вынуждают Яковенко покинуть *La Russia*, стать директором и издателем газеты *La Russia nuova* («Новая Россия», 1918–1919), которая занимает открытую антибольшевистскую позицию. Итог его публицистической деятельности — участие в выпуске двух изданий на итальянском языке, более шестидесяти статей, освещающих наиболее важные политические события 1917–1919 годов в России и Западной Европе.

Позже, в развитие своих политических концепций, он выпускает брошюру «Философия большевизма» (Берлин, 1921), трудится над исследованием «История Великой русской революции» (написано в 1923-м по заказу итальян-

П. РЫЖЕНКО. «ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ. РАССТРЕЛ». ИЗ ТРИПТИХА «ЦАРСКАЯ ГОЛГОФА», 2004

янского издательства, но впервые издано лишь 90 лет спустя).

Работая над «Историей...», Борис Валентинович пытается найти ответы на мучительные вопросы об антидемократических результатах социальных потрясений в родной стране, оставаясь при этом апологетом революции, о чем сообщает в самом начале книги: «Посвящаю этот труд памяти покойной матери моей, Клавдии Андреевны Яковенко, с которой вместе всю жизнь мы помышляли о Великой русской революции, потом тревожно и горестно переживали ее, потом кляли и оплакивали, но все же сумели понять и простить».

Он считает свои взгляды максимально объективными, поскольку не принадлежит к какой-либо партии, и, следовательно, ему не нужно оправдывать чью-либо политическую программу. Собственные историософские методы и отношение к революции раскрывает довольно ясно. Отрицает при этом идею об антагонизме классов: «Классовая борьба пролетариата за свои экономические и социальные интересы и права есть все-таки, в конце концов, борьба по-прежнему эгоистическая и потому не настоящая, не безусловная борьба за свободу человека». Настоящая революция для Бориса Яковенко — это высочайшее духовное и нравственное преображение, совершающееся «в сознании и душе человека и человечества». Революционные перемены должны вести к искоренению обусловленного эгоизмом насилия, произвола, к тому, чтобы род людской добился «утверждения всецелой свободы и подлинного добра».

Философ признает, что его точка зрения определяется «революционным идеализмом», но при этом продолжает гнуть свою линию: «Дух человеческий, дух добра и свободы, рванувшись ввысь и потянув туда все и вся за собою, снова оказался стиснут и сперт в прокрустовом ложе эгоистического материализма». Он видит в революции прогрессивный фактор истории, но убеждается в том, что его идеал практически неосуществим. Придя к пониманию этого драматического противоречия, пытается объяснить его суть на примерах конкретных фактов и явлений: несколько поколений русских людей жили ожиданием революции, но когда произошел так долго чаемый социальный взрыв, историческая ситуация оказалась крайне неблагоприятной для утверждения царства свободы. С одной стороны — тяжелые последствия войны и наследие старого режима, с другой — слабость демократической традиции в России и психологические особенности русского революционера, который способен скорее разрушать, а не созидать. Совокупность причин привела к самому негативному результату из возможных: кратковременный рывок к свободе и демократии завершился однопартийной диктатурой.

В работе «Философия большевизма» Яковенко рассуждает о тектонических сдвигах, затронувших все сферы общественной жизни:

«Европа, да и все человечество, как раз переживает сейчас такой момент. Споры нет и быть не может: мы — в середине грандиозной и радикальнейшей культурно-общественной и духовной трансформации. Перед нами — эпоха великого, редкого по сво-

ему объему человеческого потрясения и крушения. Старые формы жизни, те самые, которые либо обновились, либо сложились в эпоху Великой французской революции, трещат и распадаются; новые элементы, новые силы сквозь трещины просачиваются наружу и требуют властно новых форм, новых откровений, новых жизненных установлений. Шахтаются и даже рушатся или переживают глубокую трансформацию самые основы современного мира: принцип собственности, форма государственного бытия, экономическая конституция человечества, понятия человеческой личности, общества, свободы. И ясно, что для философии пробил час новой радикальной и всепроникающей рефлексии, — дабы осветить сгустившийся мрак жизни, чтобы распутать запутавшийся ее клубок, чтобы дать самой философии вновь приобщиться к живому конкретному источнику всякого мышления и набраться сил для настоящего нового творчества и строительства».

Демонстрируя интерес к программе большевиков, автор указывает на различия в понимании большевизма, хотя признает за этим понятием и другие значения (государственный строй в Советской России, совокупность учений как фундамент

данного строя, общественное умонастроение, максимализм как характерная черта русского народа, идейный и социально-политический комплекс).

Основываясь на партийных документах и других источниках, Яковенко убедительно показывает, что до и во время революции большевики декларировали одно, а после захвата власти стали на практике осуществлять совершенно иное. По его мнению, идеи и планы новоявленных гегемонов подверглись существенным метаморфозам тогда, когда стали претворяться в жизнь как «программа коммунистического управления страной и постепенного внедре-

ния социалистических принципов и организации во все сферы народной жизни».

Яковенко по пунктам перечислил отступления большевиков от своей теоретической базы: уничтожение народовластия, диктатура не пролетариата, а над пролетариатом (через партийные органы), рождение новой бюрократии, возрожденное крепостное право, искоренение духовной свободы ради приоритета коммунистической идеологии, милитаризация и подготовка к войне, повсеместное введение смертной казни...

Далее выносится «окончательный приговор»: «Советская Россия, долженствовавшая (и могшая) быть государственной свободной ассоциацией свободно трудящихся на всех поприщах людей и базой для нарождения и развития новой пролетарской культуры, представляет собою, в действительности, огромную тюрьму, в которой царит политико-социальная деспотия и духовно-физическая пытка».

Яковенко не был сугубо отвлеченным философом, мыслил на конкретном, практическом уровне, поэтому его воспитанный на немецкой традиции идеализм нашел продолжение в политической философии и историософии. Не признавая монархию и

критикуя большевиков за предательство революции, он осмыслил исторические события 1917–1920 годов и пришел к выводу: его идеалы не имеют ничего общего с идеологией большевизма, ограниченной материализмом, экономическим детерминизмом и отрицанием всякой морали.

Но следует ли провозглашенные им идеалы считать исторически оправданными, общественно полезными? На этот вопрос как будто неплохо отвечает современная действительность с ее лукавыми химерами демократии и взрывами «цветных революций», прокатившихся по всему земному шару.

Л. ПОПОВА. «ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА», 1915

Островский СТОИТ особняком

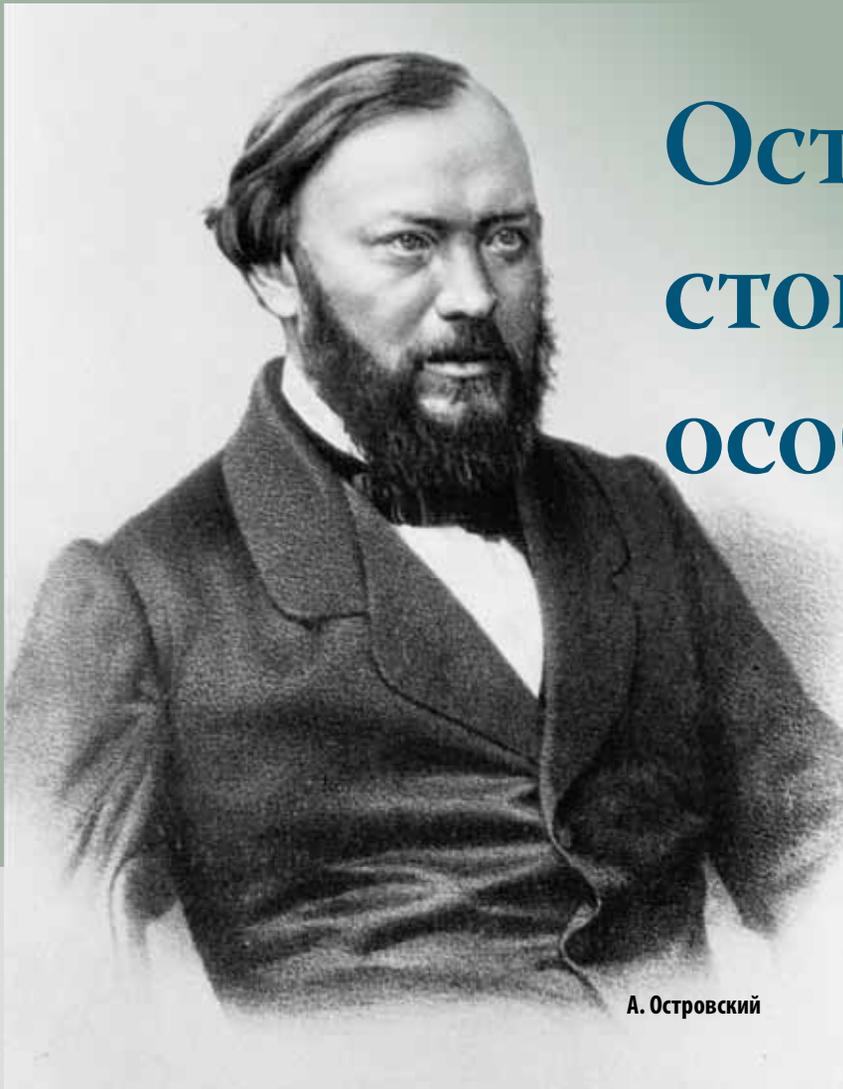

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Островский

Ольга Марьяновская

Главным лицом национальной драматургии Александр Островский стал примерно полтора века назад, когда созданные им образы оказались в центре внимания Добролюбова, Писарева и других знаменитых критиков периода «первых шестидесятников». С тех пор этот неофициальный титул он прочно удерживает. В советскую эпоху его славу не затмил, несмотря на совпадение, связанное с довольно редкой фамилией, даже кумир пролетарской молодежи, автор хрестоматийно-героического романа о Павке Корчагине.

В творчестве великого драматурга, возможно, было слишком много «темного царства» и недоставало порой «светлых лучей», и тем не менее нашу литературу и русскую театральную сцену без его произведений представить совершенно невозможно.

Дом-музей на Малой Ордынке

В ГЛУБИНЕ уютного дворика на Малой Ордынке от многолюдных толп огромного города спрятался деревянный двухэтажный особняк. В нем родился 195 лет назад, 12 апреля 1823-го, и провел первые годы жизни Александр Островский. Сейчас тут находится его музей. (По словам заведующей Светланы Семиколоновой, с инициативой создания музея первым выступил в 1973 году Сергей Михалков. В 1984-м эта идея была успешно реализована.)

Родители Островского происходили из духовного сословия. Отец в свое время избрал карьеру чиновника, юриста. Поначалу семья жила небогато, снимала скромную квартиру на первом этаже дома. В ту пору он принадлежал дьякону ближайшей церкви — Покрова Пресвятой Богородицы в Голиках.

Новорожденного Сашу крестили именно в этом, до наших дней, увы, не сохранившемся (снесли в 1930-е), храме.

В трех мемориальных комнатах искусно, с предельной точностью реконструирована обстановка первой трети XIX века. Среди вещей — несколько подлинных, некогда переданных потомками литератора. В столовой это буфет и хрустальный графин. В спальне, на столике — расписная шкатулка, принадлежавшая Александру Николаевичу лично. В центре воссозданного киота — икона Божией Матери «Троеручица», присутствующая здесь в память о реликвии разрушенного Покровского храма.

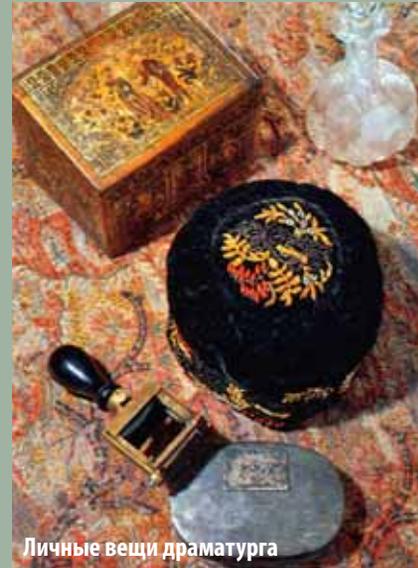
В кабинете, как водится, стоит солидный шкаф с книгами, на секретере — фотография отца. Николай Федорович был хорошо образован, дослужившись до чина коллежско-

ФОТО: PHOTOPRESS

Интерьер дома-музея

Личные вещи драматурга

го ассессора, получил потомственное дворянство. Будучи адвокатом, приобрел в Москве немалую известность. Последние обстоятельства к особняку на Малой Ордынке относятся лишь опосредованно. Островские прожили в нем недолго, и как только позволило материальное положение, приобрели неподалеку, в Монетчиковском переулке, собственный дом, а позже переехали на улицу Житную.

Выросший в этом образцово патриархальном районе драматург обычаи и нравы его обитателей знал не понаслышке. Неудивительно, что он сделал их героями собственных произведений, открыл для читателей и театралов особый мещанско-купеческий мир Белокаменной и за это был прозван своими современниками Колумбом Замоскворечья.

Материалы, размещенные в Красной гостиной, повествуют о его юности и начале творческого пути. Рисунок с видом Первой Московской губернской гимназии, которую он окончил,

соседствует с изображением Университета, где с 1840-го по 1843-й будущий классик обучался на юридическом факультете, тут же — портреты профессоров-историков Михаила Погодина и Тимофея Грановского. Разочаровавшись в юриспруденции, Александр бросил учебу, хотя и трудился некоторое время в должности канцеляриста в Совестном и Коммерческом судах. Служба и участие в делах отца, имевшего частную адвокатскую практику, помогли молодому человеку лучше узнать людей, при-

обрести бесценный жизненный опыт.

Главным его увлечением с молодых лет был театр, об этом наглядно свидетельствуют старинные афиши, портреты актеров, фото сцен из спектаклей. Особенно полюбился Островскому Малый, где завязалась дружба с такими исполнителями, как Пров Садовский, Варвара и Евгения Бороздины, Сергей и Екатерина Васильевы, Любовь Никулина-Косицкая. Позже, являясь постановщиком многих своих драм и комедий, Александр Николаевич помогал актерам чем только мог.

Первые его сочинения — очерки. За ними последовала пьеса «Картины семейного счастья», напечатанная в 1847 году в «Московском городском листке», высоко оцененная читателями, однако запрещенная цензурой. Комедия «Банкрот, или Свои люди — сочтемся» также оказалась под

ФОТО: ПАВЕЛ БАЙЛАБАНОВ/РИА НОВОСТИ

А. Островский среди сотрудников журнала «Современник». 1856

запретом, была признана оскорбительной для купечества и тем не менее читалась на литературных вечерах. Одно из чтений состоялось в декабре 1849-го в доме Михаила Погодина, а среди слушателей присутствовали Николай Гоголь, Евдокия Ростопчина, Лев Мей, Михаил Щепкин. Публикация пьесы в журнале «Москвитянин» принесла автору как известность, так и неприятности — над ним был установлен тайный жандармский надзор. Неудачи начинающего драматурга не обескуражили. В январе 1853-го на сцене Большого театра с огромным успехом прошел спектакль «Не в свои сани не садись». В Красной гостиной висит портрет управляющего Московской театральной конторы, композитора Алексея Верстовского, разрешившего дебютную постановку, представлены также фотографии актеров.

С тех пор герои Островского не сходят со сцены. Их характеры, взаимоотношения, поступки — к счастью или к сожалению — и теперь присущи русским людям.

Все его 48 пьес шли в разные годы в Императорском Малом. Старинный макет театра установлен при входе на второй этаж. Здесь залы посвящены сценическому воплощению творчества драматурга. Особая среда старомосковского дома выражается посредством неокрашенных бревенчатых стен, высоких окон, смотрящих в сад. Одна из комнат именуется «купеческой»: самовар на овальном столе, в красном углу — икона, на стене — портреты Ольги Садовской и Осипа Правдина, создавших в комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» колоритные образы обывателей Первопрестольной.

«Дворянско-чиновничий» кабинет отведен под историческую презентацию трех других пьес. Экскурсовод непременно расскажет, что одну из них — «Доходное место» — запретили (как порочащую госслужащих) перед самой премьерой. На снимках сцен из спектакля

режиссера Владимира Немировича-Данченко «На всякого мудреца довольно простоты» запечатлены актеры Константин Станиславский и Василий Качалов. «Бешеные деньги» представлены фотографиями артисток Малого Елены Лешковской и Гликерии Федотовой.

Следующий зал знакомит с историей «Бесприданницы». При жизни автора она не снискала заслуженного успеха, зато впоследствии была признана шедевром. Постановка 1890-х с Верой Комиссаржевской вернула произведение в театральный репертуар. В середине стенда — ее фото в образе Ларисы. Стоящий рядом овальный столик принадлежал Марии Бабановой, также блиставшей в этой роли.

В «Комнате Катерины», главного персонажа «Грозы», на почетном

месте — портреты первых исполнительниц: Никулиной-Косицкой (в Малом, 1859) и Фанни Снетковой (в Александринском, 1859). В витрине — вышитая бисером головная повязка, деталь сценического наряда Варвары, привезенная Островским из путешествия по Верхневолжью и подаренная актрисе Варваре Бороздиной. Привлекают к себе внимание эскизы костюмов и декораций, выполненные Александром Головиным для спектакля Всеволода Мейерхольда (1916).

«Артистическая комната» наполнена личными вещами друзей драматурга. Здесь же — знаменитая бархатная шапочка Александра Николаевича, печать, коробочка для разных мелочей, верстак, на котором он любил мастерить, нож для бумаги с ажурной ручкой, вырезанной им из дерева.

В самой просторной зале собраны экспонаты, связанные с особо значимыми постановками XX века. После революций 1917 года в театр пришли иные зрители — рабочие и крестьяне. Герои Островского оказались им в целом близки. Изучая экспозицию, нетрудно проследить, как менялось прочтение пьес. Работы конструктивиста Василия Федорова, созданные для мейерхольдовского «Леса» (1924), соседствуют с портретом Игоря Ильинского в роли Аркашки Счастливецова. Фото Алисы Коонен, сыгравшей Катерину в «Грозе» Александра Таирова (1924), с макетом художников Владимира и Георгия Стенбергов. Тут же — живописные декорации Николая Крымова к постановке Станиславского «Горячее сердце» (1926) и многое другое.

Ныне сотрудники начинают понемногу готовиться к 200-летию юбилею выдающегося бытописателя. Планируют ремонт и обновление экспозиции — с добавлением раздела о спектаклях XXI века, а также электронного киоска, который расскажет о том, какое место в жизни главного русского драматурга занимала музыка.

ФОТО: PHOTAS/Abaca Press/ТАСС

Морис, ты прав

Арсений Александров

Он родился под конец Первой мировой войны, сто лет назад. Любимец фортуны, Франции и, само собой, России, — очереди за его книгами были когда-то огромны, — Морис Дрюон оставил о начале своего жизненного пути следующее воспоминание: «Когда я появился на свет, пахали еще ручным плугом, а радио невнятно бормотало и называлось беспроводным телеграфом. Авиацию представляли одни лишь героические стрекозы. В самых больших наших городах, за исключением Нью-Йорка, дома не превышали шести этажей».

Видный писатель считал себя выходцем из XIX столетия и был для нас стопроцентным современником, грезил о Средних веках, погружался в волны эллинской классики и оставался модным джентльменом (или, скорее, ситуайеном) в щегольском плаще.

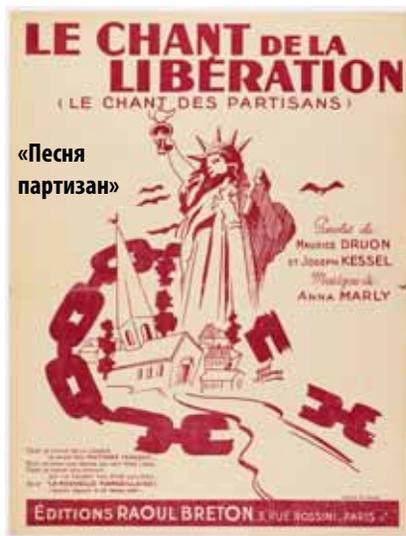
Честь и Родина

В Советском Союзе его сравнивали с романтиком Дюма. Хотя история в интерпретации Дрюона — гораздо более суровая материя. За власть у него сражаются более иступленно, а тугие узлы драматических коллизий не распутываются по мановению руки автора. Он весьма сурово показывал кровь и грязь на шестеренках вечного механизма истории. Совокупный тираж его книг на русском языке перевалил за 25 миллионов. При этом некоторые до сих пор остаются библиографической редкостью. Попробуйте, например, раздобыть издание «Александр Великий, или Книга о Боге». Трудновато будет, даже при нынешней читательской пресыщенности.

Во Франции мэтра знали и любили не только ценители изящной словесности. Его седая голова украшала любое благородное собрание, а с годами мсье Морис становился только элегантнее. Колонки Дрюона появлялись в «Фигаро» десятилетиями, и их обсуждали даже на рынках. Он, внук русского купца, защищал принципы французского языка — эта тема для галлов священна и является всегдашним поводом к долгим пересудам.

Миллионы советских читателей не подозревали о российских корнях знаменитого европейца. У нас их просто-напросто не афишировали. Писатель же никогда не забывал о своих уральских предках. Его прадед по отцовской линии, оренбургский купец 1-й гильдии Антон Леск, вел крупную торговлю, помогал местной гимназии, к тому же был одним из учредителей еврейского благотворительного общества.

В родном городе отца Дрюону довелось побывать только в 2003 году. Совершить данное путешествие помог другой известный оренбуржец — Виктор Черномырдин. Француз признавался, что Оренбург манил его с раннего детства: «Урал — это граница с Азией, с этой

огромной страной. И именно это меня привлекает и зовет в этот город уже с пятилетнего возраста. Но мне пришлось 80 лет ждать, чтобы осуществить эту мою мечту». Он посетил ту самую гимназию, в которой когда-то учились родители и дядюшка, побродил по Гостиному двору, где некогда располагались лавки прадеда.

Вскоре после этого вояжа его сограждане прочитали в очередном эссе о далеком городе на реке Урал: «Сегодняшний Оренбург с полумиллионным населением сохраняет свое очарование. Красивые неоклассические дворцы города находятся по соседству с улочками с деревянными домами, окна кото-рых, кажется, являются воплоще-

нием вечной России. Я возвращаюсь из Оренбурга, который меня соблазнил, восхитил и покорила. Часть моих предков жила там, и я решил отправиться туда. Оренбург стал как бы последним местом моего паломничества перед тем, как я покину этот мир».

Отец будущего писателя, актер Лазарь Кессель, покинул Российскую империю вместе с родителями и братом в 1908 году. Осел в Ницце, где играл под артистическим псевдонимом Сибер, но однажды покончил с собой, оставив двухлетнего Мориса сиротой. Всемирно известную фамилию будущему классику подарил отчим Рене Дрюон, а наибольшее влияние на юношу оказал дядя Жозеф Кессель, писатель, журналист, автор неизвестного в Старом Свете романа «Дневная красавица», не порывавший связей с такими же, как он, выходцами из России.

Кессель участвовал в трех войнах. В Первую мировую сражался под французскими знаменами в авиации, в Гражданскую боролся с большевиками на Дальнем Востоке, во Вторую мировую был известным военным корреспондентом, антифашистом.

Морис Дрюон одним из последних выпускался из кавалерийской школы в Сомюре и тоже побывал на фронте, а после поражения своей страны находился в Лондоне, в штабе сил «Свободной Франции» генерала де Голля, вел радиопередачи для соотечественников. Эти патриотические воззвания убеждали: немецким «сверхчеловекам» скоро придет конец, Французская республика будет свободной. Цикл его радиобращений назывался «Честь и Родина».

Он приложил руку и к написанию главной песни Сопротивления, ставшей, по сути, вторым гимном Франции — Le Chant des partisans («Песня партизан»). И тут снова не обошлось без русского следа. Первоначальный текст сочинила на языке своей далекой родины Анна

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Марли, урожденная Бетулинская, у нее партизанский марш звучал так: «Народные мстители, мы отобьем злую силу. Пусть ветер свободы засыплет и нашу могилу...».

Дрюон и Кессель написали по-французски несколько более воинственные слова, и песня троих отнюдь не чужих России авторов зазвучала на всю Францию.

«Человек одинаков и с течением веков мало изменился»

Дрюон знал всего лишь несколько фраз по-русски, но к нашей словесности относился как к святыне. Творить он учился у Льва Толстого (и Тацита), а дома у него висел портрет Екатерины Великой. В СССР был несколько раз, впервые приехал в последний год жизни Сталина. В 1961-м званный гость не ограничился официальными приемами и посещением балета в Большом театре. Он по-гоголевски «проездили по России». Взял автомобиль и отправился из Москвы в Ленинград, затем в Тулу и Ясную Поляну, Киев и, наконец, в Одессу. После столь экзотического для француза путешествия навсегда запомнил русскую сердечность без всякой фальши и надменности.

В Советском Союзе неплохо знали новейшую на тот период французскую литературу. Русскоязычные версии лучших произведений «буржуазного мира» выходили на удивление оперативно. И переводчики у Дрюона были достойнейшие. Один из первых — Юрий Дубинин, наш выдающийся дипломат, много лет служивший в Париже.

В знаменитой «макулатурной» серии (книги продавали сдатчикам вторсырья) его романы выходили вперемешку с бестселлерами Александра Дюма-отца. Тиражи — миллионные. Советские люди полюбили отправляться в своих мыслях во французский XIV век, когда зловещее проклятие тамплиеров грозило неминуемой смертью королям и римским папам. Не все обращают

внимание на предисловия и биографические справки, поэтому кто-то считал Дрюона чуть ли не ровесником Дюма и Эжена Сю.

Его сочинения для нашего читателя стали первыми интеллектуальными триллерами. Там есть и пикантно-эротические сцены, и описания самых изощренных казней, отравлений, заговоров. Герои ведут себя как дикари, но по рассуждениям, проявлениям страстей выглядят словно современники. Автор не стремился стилизовать чиновную речь и сновитую медлительность давно минувших эпох. Средневековье

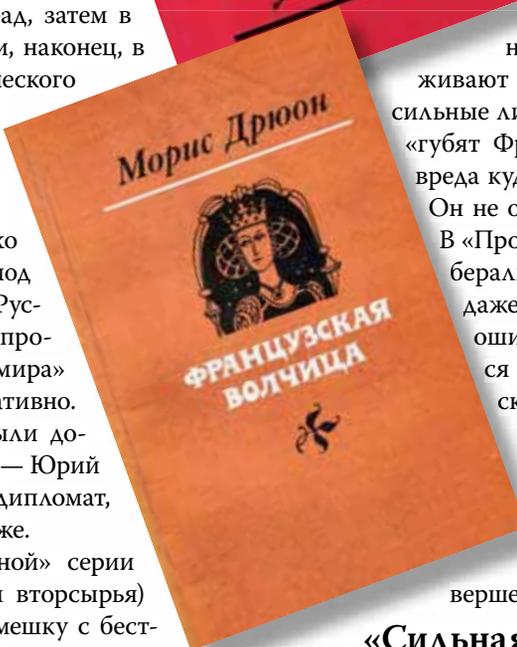
по Дрюону — время суматошное, нервное и далеко не сонное. Он давал понять, что участники Столетней войны не сильно отличались от нас: «Человек одинаков и с течением веков мало изменился. Нас огорчает и радует то же, что и наших предков, у нас такие же амбиции».

Переводчики не смягчали дрюоновский натурализм. Только один роман «Задуманная королева» перевели несколько отвлеченно — «Узница Шато-Гайара». Популярный литератор не любил да и не умел выдумывать детективные сюжеты. В его повествованиях немало оборванных нитей, как это случается порой в действительности. Читательское внимание удерживают характеры. Дрюона интересовали сильные личности, которые творят историю. А «губят Францию» посредственности, от них вреда куда больше, чем от условных злодеев. Он не особо верил в социальный прогресс. В «Проклятых королях» имеется и антилиберальная проповедь: «Толпы, ассамблеи, даже ограниченные группы избирателей ошибаются так же часто, как ошибается природа; Провидение так или иначе скуповато на величие».

Все это вовсе не означает, что дуайен Французской академии мечтал об абсолютной монархии в стиле Людовиков, однако и копирайтером стереотипов своего времени он совершенно точно не был.

«Сильная Россия нужна для равновесия в мире»

Дрюон и в мафусаиловы годы оставался в центре внимания. Его экранизировали вновь и вновь, причем в сериале по «Проклятым королям» считали за честь сни-

С. В. Путиным.
Париж, 2008 г.

ФОТО: СЕРГЕЙ СУББОТИНИ/РИА НОВОСТИ

маться звезды первой величины, от Жоржа Маршала — он сыграл Филиппа Красивого в телефильме 1972 года — до Жерара Депардье, блиставшего в роли великого магистра тамплиеров в 2005-м.

Романист привнес в социальную жизнь энергию жизнелюбия, которая встречается у прирожденных долгожителей. Разумеется, был голлистом, относился к истории и политике без либеральных предрассудков, умел рассматривать личность в многовековом контексте. Один из друзей писателя заметил, что Морис Дрюон избрал для себя роль хранителя, о чем бы ни шла речь — об империи, Академии, французском языке или памяти генерала-президента. И регалии секретаря Французской академии были ему явно к лицу.

Поклонником государства советского типа он не являлся, с компартией Франции не сотрудничал, в «Юманите» не печатался, однако, как и де Голль, относился к нашей стране с уважением. Иногда критиковал Россию периода «реформ», например, за расцвет «олигархии»

в 1990-е, но при этом не позволял себе высокомерия, некой враждебной отстраненности. Он просто любил родину предков, оставаясь настоящим французом. В СССР хорошо знали его роман «Когда король губит Францию». В известный период «короли» и «властители дум» принялись раздирать Россию. Когда же ее возглавил человек, который стал собирать заново великую страну, в Европе это мало кому понравилось. Искренних друзей у нас там негусто, а те, что дружат с выгодой, всегда ненадежны. Тем громче звучал в свое время честный голос Дрюона, быстро разглядевшего в российском президенте масштабного политика: «Мы с ним оба наездники, любим лошадей. А всадник, возвышаясь в седле, видит дальше всех. Надо признать, что за пределами своей страны Владимир Путин не очень-то любим. Это связано с тем, что Россия по-прежнему пугает. Но те, кто ее боится, конечно, не правы. Сильная Россия нужна для равновесия в мире».

Сразу видно: в нашей новейшей истории он разбирался не хуже, чем

в хрониках средневековой Франции. Независимые умы и в XXI веке на вес золота, диктатура «тренда» зачастую жестче любого бонапартизма, но автор «Проклятых королей» неизменно гнул свою линию.

«Сознаюсь, я не был рад развалу СССР. Я знаю, что это высказывание заставит подпрыгнуть некоторых моих соотечественников, но это так. Речь не о том, что Россия должна доминировать над народами, проживающими в соседних с нею странах. Но ее роль в регионе я вижу как лидерскую. Я убежден, что Европа сейчас не нуждается в НАТО. Ведь что это такое? Организация, созданная американцами во времена холодной войны как противовес военной мощи СССР. Но сегодня нет ни Варшавского договора, ни СССР. Зачем продолжать политику блокирования России? Это большая ошибка. Я уважаю американцев, но в этом вопросе они отстают от истории», — так рассуждал академик Дрюон в 2006 году.

На подобную отвагу в Европе оказались способны, пожалуй, только ветераны Сопротивления.

Сказочный переплет

Ксения Воротынцева

Сергея Сюхина называют художником Лукоморья. В его работах сказочные мотивы переплетаются с автобиографическими, создавая образ заповедного края. Главной темой для уроженца деревни Пучуга Архангельской области стал Русский Север, воспроизведенный с любовью: сдержанная природа, скупой деревенский быт, шумные сельские праздники. Мастер пытается показать современным зрителям исчезающий уклад, причем самая важная публика для него — дети. Творчество Сюхина многообразно: графика, живопись, скульптура, однако центральное место занимает иллюстрация. Среди оформленных изданий для юных читателей — сочинения Виктора Астафьева, Ивана Паныкина, Бориса Шергина и Степана Писахова. Разговор с заслуженным художником России «Свой» приурочил к Международному дню детской книги, объявленному в честь Ганса Христиана Андерсена, который появился на свет 2 апреля 1805 года. Знаменательное совпадение — принимает поздравления в этот день и Сергей Сюхин.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СКАЗКАМ» С. ПИСАХОВА. 2013

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХАМ В. ЛЕДКОВА. 1985

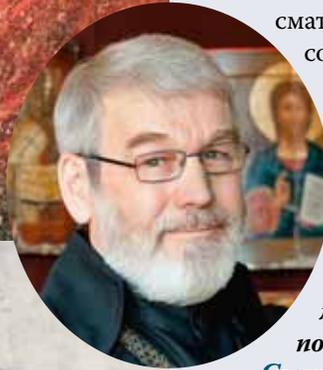
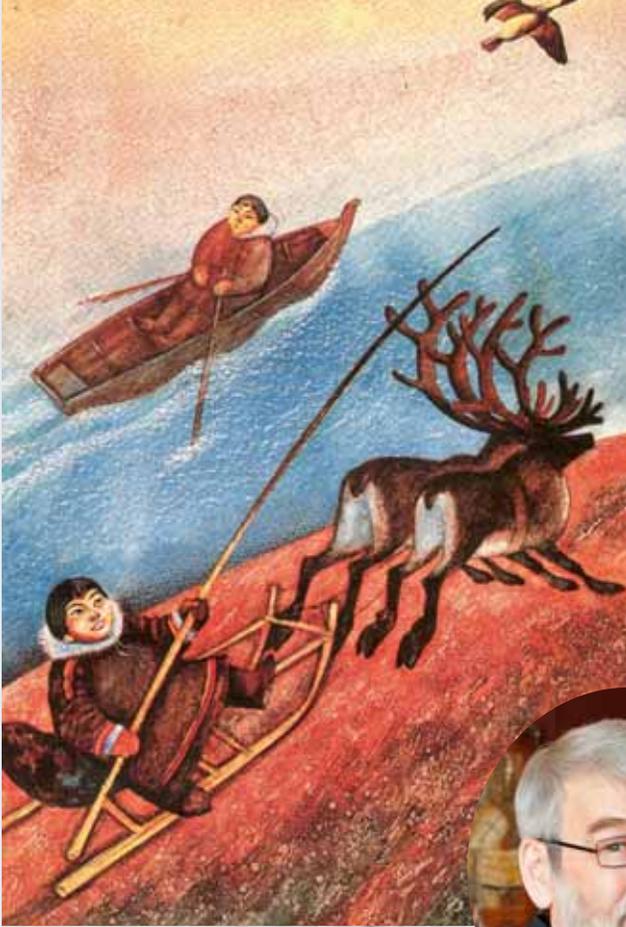

РИСУНОК. 1973

СВОЙ: *В чем особенность детской иллюстрации? Как с помощью визуального языка «разговаривать» с ребенком?*

Сюхин: Есть разные тенденции. Кто-то подделывается под малышей, сюсюкает с ними. Другие стараются завлечь чем-нибудь современным: например, вместо коровы изобразить утюг с рогами. Я же придерживаюсь иных принципов: главное — вложить в рисунок собственные чувства, опыт первых лет жизни. У меня было счастливое детство: хорошо помню восторг единения с природой, это чувство живо в душе до сих пор. Пришел к иллюстрации естественным образом — горел желанием поделиться тем, что впитал, сумел не забыть за годы взросления. Мое искусство автобиографично — считаю, не нужно ничего придумывать.

Ребенка притягивают хорошие иллюстрации: рассматривая картинки, он участвует в процессе сотворчества. И еще: художнику важно делиться добром и радостью — это помогает привить детям любовь к своей земле. К сожалению, сегодня все заполнили современные «мультишные» книги.

СВОЙ: *Вы участвуете в выставках и в России, и за рубежом, год назад показывали произведения в Московском музее современного искусства. Живете по-прежнему в Архангельской области?*

Сюхин: Да, в родной деревне. Раньше северные поселения существовали автономно: недаром Василий Белов называл крестьянский дом подводной лодкой. Сами шили, пряли. Мои деды были ремесленниками, держали кузню. Батя копировал картины, особенно Васнецова, пейзажи писал. Я с детства возился с карандашами. Соседских ребятшек больше привлекала техника, им бы гайки покрутить. А я рисовал, лепил. Впрочем, обычной работы не боялся: с ранних лет пас коров. Слыл профессиональным пастухом, за 50 километров уходил в лес. Слава Богу, захватил этот уклад. Сегодня у нас скот не держат. Луга раньше косили, как под бритву, а теперь буреломом все заросло, никто не работает. Дети оканчивают школу и уезжают. Правда, на юге области пытаются заниматься фермерством: все серьезно, технологично, но людей требуется гораздо меньше. И сенокос совсем не такой — раньше настоящий праздник был.

Батя хотел, чтобы один из сыновей стал художником, и я его заповедь исполнил. Мой старший брат учился в Ломоносовской школе резьбы по кости. Хотел пойти туда же, но одумался: мечтал серьезно изучать изобразительное искусство. Собирался в Москву... Но в итоге поступил в Абрамцевское художественное училище в Хотькове. Позже, когда повзрослел, понял: меня туда Сергей Радонежский привел. Конечно, в советской школе о святом не рассказывали: многое узнал о чуде творце, когда приехал в те края.

РУССКИЕ РЕАЛИСТЫ

Завершил учебу в 1973 году и сразу вернулся в Архангельск. Жена окончила местный педагогический институт. Тогда было строго: два года отработала в деревне, потом я ее забрал. Получили квартиру. Супруга работала учителем математики. Когда вышла на пенсию, решили уехать в Пучугу, откуда оба родом. Это, кстати, вторая заповедь отца, которую я исполнил: не женись на стороне (*смеется*). Главная мастерская по-прежнему находится в Архангельске. А нас в деревенском доме навещают родные, внуки. Я часто езжу по России, в Норвегии бываю. Все как у предков: берегиня-хозяйка сидит в усадьбе, занимается очагом, создает тепло, уют и любовь. А мужик — на отхожих промыслах, в боях.

СВОЙ: Как пришли в детскую иллюстрацию?

Сюхин: Сначала трудился в северных издательствах. А потом, в 80-е, произошел трагический случай. По окончании Полиграфического института имени Федорова, где учился заочно, подготовил диплом в виде книги. Сделал подцветочные акварелью литографии — иллюстрации к сказкам Писахова. Работу предложили издать. В то время оригиналы на цветоделение посылали из Архангельска в Москву. И вдруг они пропали. Это стало настоящим ударом: понимал, что в тот момент не в состоянии заново раскрасить литографические отпечатки. Отдал черно-белые. Выпустили тиражом 300 000 экземпляров — правда, на плохой, почти газетной бумаге. Тем не менее это издание вывело меня в люди, его пачками отвозили в столицу. Годы спустя вновь сделал цветной вариант, благо оставались оттиски, и произошла вторая встреча: мамы с папами покупали ребятишкам любимую книгу детства. На ней выросли уже несколько поколений.

СВОЙ: Один из Ваших наставников — Борис Диодоров. Чему научились у мастера?

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ С. ПИСАХОВА «АРХАНГЕЛЬСКАЯ БОГАТЕЙКА», 2002

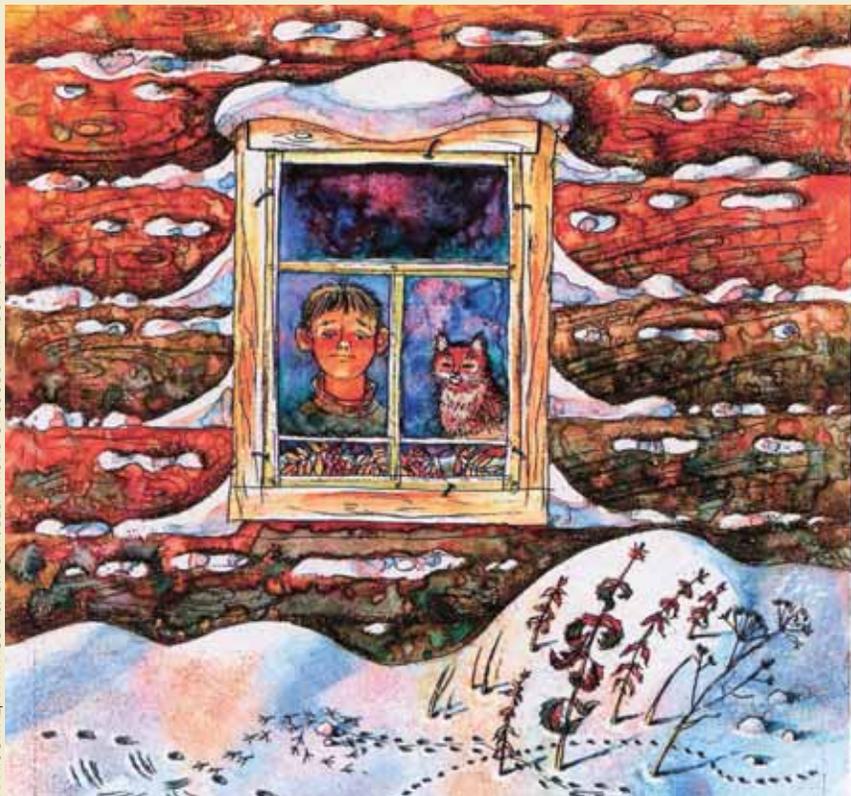

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ В. АСТАФЬЕВА «КОНЫ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ», 1990

Сюхин: Вдумчивости и бережному отношению к листу. Борис Аркадьевич неспешно трудится, и я тоже никуда не тороплюсь. А ведь некоторые умудряются сделать несколько иллюстраций за день. Мы познакомились в издатель-

стве «Детская литература»: там существовали специальные «среды» — дни, когда молодые авторы могли прийти и показать работы. Борис Аркадьевич был главным художником. Увидев мои рисунки, воскликнул: «Нас надо спасать!»

Оказалось, некий московский автор никак не мог доделать книгу с сибирскими и северными сказами. Затянул безбожно, запутался: чтобы разобраться в утвари, понять наш быт и дух, ему требовалось как минимум посетить краеведческий музей. А мне не нужно: буквально из души вынимал. В итоге быстро выполнил заказ, все пришли в восторг. Получил награду — диплом «Книга года СССР». После этого редакции выстроились в очередь.

СВОЙ: *Тогда же Вам предложили проиллюстрировать Астафьева?*

Сюхин: Да, конечно. Работал с восторгом — сделал две книги: «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах». У Виктора Петровича все автобиографично — в этом мы похожи, хоть и принадлежим к разным поколениям. Для изображения сибирских реалий пришлось, конечно, кое-что изучить: архитектура, например, отличается от Русского Севера. А вот природа, телеги, лошади, детские игры — очень похожи. С самим Астафьевым переписывались. Он был совестливым человеком. В одном из писем извинялся: «Сережа, прости, нашел от тебя записку и книгу и сообразил — забыл ответить». Собирались встретиться, но мне рассказали: жена его оберегает, не любит гостей из центра. Все-таки они были уже пожилыми людьми. Так и не увиделись. Он как-то признался: «С удовольствием подписываюсь под твоими иллюстрациями, когда дарю кому-нибудь книгу».

Оформлял также сказки Ивана Панькина. Лично не был знаком. Посмотрел его издания — небольшие, карманного формата, картинки то слишком схематичные, то, наоборот, чересчур декоративные. Когда закончил работу, в «Детской литературе» сказали: Панькин хочет повидаться. Дали телефон. Встретились в Переделкино. Волновался: все-таки ветеран, я по сравнению с ним мальчишка. Он открывает дверь: «Сережа, стол уже накрыт!» Признался: это лучшее издание в его жизни. Рассказал, что подарил книгу Сергею Михалкову, тот очень хвалил. Я был счастлив.

СВОЙ: *Над чем сейчас работаете?*

Сюхин: Оформляю книжку Бориса Шергина. Как и Писахов, он рассказывал о жизни поморов. Но писатели они совершенно разные. Степан Григорьевич — юморист: народ его больше ценит, даже музей есть в Архангельске. Людям хохотать проще, чем слезу пустить. Сам не поклонник его сказок: с трудом выбрал 20, когда готовил иллюстрации. В половине — то драка

случается, то иерей дураком выставлен. Публике смешно, а мне плакать хочется. Шергин не столь популярен: он тонкий человек, к нему нужно прийти. Считаю его святым: никто так Север не любил, как Борис Викторович, кудесник русского слова — светлого, нежного, перламутрового. Он продолжатель традиций былинной Руси. Очень бережно отношусь к его творчеству, сейчас создаю литографии и стараюсь передать серебристый северный свет. Никуда не тороплюсь, буду делать год, два. Недавно издали его дневники. В воспоминаниях есть слова, которые хочется распечатать и развесить по Архангельской области да и по всей России: чтобы понимали, как надо любить Родину. Готовлю книжечку со сказками, планирую иллюстраций 20–25. А во второй будут фрагменты дневников, у него есть очень трогательные вещи. Что еще могу сделать? В 2013-м поставил памятник в Архангельске — хоть в бронзовом виде, но вернул Шергина на Север.

СВОЙ: *В чем видите свою цель?*

Сюхин: До слез жаль, что уходит дух Русского Севера. Конечно, можно увидеть прялку или рыболовецкую сеть в музее, но там они будут лежать, как мертвые. Другая важная проблема: народное творчество, культура, к сожалению, живут отдельно от высокого искусства. Меня это очень беспокоит. Соединить крестьянское и высокое удавалось немногим — Есенину, Васнецову, Билибину. Стараюсь работать в этом ключе. Несмотря ни на что, в изобразительном искусстве до сих пор широкие возможности. Не согласен с теми, кто говорит: все уже придумано, изобретено. Осуществимо многое, нужно только понять, пропустить через себя.

СВОЙ: *Что сегодня происходит с детской книгой?*

Сюхин: Раньше нам платили шикарно. Сейчас, слышал, доходы иллюстраторов сильно упали. Сам давно с издательствами не работаю, считаю их лишним звеном. Выпускаю книги за счет гонораров от скульптурных работ. Нахожу дизайнеров, выбираю типографию, бумагу. Не хочу воевать с теми, кто верит, что современным детям нужны рисунки попроще. К сожалению, мало осталось художников классического направления. Хотя тяга к живому, человеческому никуда не делась. На моей московской выставке было много иностранцев, они оставили добрые отзывы — мол, спасибо за глоток свежего воздуха, истосковались по чему-то настоящему. Поэтому верю: запрос на хорошее искусство неистребим.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СКАЗКАМ» С. ПИСАХОВА. 2013

Русский след

Хребет,

который не сломить

Евгений Тростин

70 лет назад советские полярники совершили чрезвычайно важное для всего мира открытие, и вслед за этим на географических картах планеты появился большой подводный хребет, названный в честь великого русского ученого-просветителя. Несмотря на удаленность этих территорий от материковой России и непрекращающиеся международные споры, хребет Ломоносова должен по праву принадлежать нашему государству.

Имя Ломоносова

Веками Русь осваивала полюса недоступности, прорубалась сквозь тайгу, отвоевывала у вечных льдов безлюдные пространства — такой уж характер у страны и ее народа. Эта преемственность сполна проявилась и в нашей новой истории. Экспедиции 1948-го и 2007-го рассказали миру о прежде неведомой, таинственной подводной земле.

В названии корабля, как принято считать, скрыта его судьба. То же самое относится и к островам, хребтам, проливам... Советские первопроходцы не только открыли нечто весьма ценное, но и нашли для него удивительно верное название.

То, что новую гряду под водой нарекли именем великого помора, конечно же, не случайно. Наш просветитель в юности ходил на зверобойных судах по Белому морю, слышал рассказы земляков об их походах на Новую Землю и зимовках на этих островах. Среди его открытий —

подтвердившаяся гипотеза о движении льдов с арктического востока в направлении Атлантики. Михаил Васильевич подготовил первую научную карту Арктики как обширного океанического пространства, достигающего побережья открытого Колумбом континента. Когда-то Ломоносов заявил: «Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку». Наш первый русский академик лучше других понимал, что этими территориями будет приумножаться могущество России, и над загадками Севера размышлял не меньше, чем над секретами химии.

М. Ломоносов

Ломоносов считал Арктику бесценной кладовой страны, ратовал за освоение Северного морского пути. Его предсказания начали сбываться как раз в середине XX века, когда наши летчики, моряки и зимовщики броский лозунг «Даешь полюс!» триумфально претворили в жизнь.

«Прыгающая» экспедиция

Весной 1948 года приступила к работе высокоширотная воздушная экспедиция (ВВЭ) «Север-2». СССР еще не преодолел послевоенную разруху, но арктические приоритеты нельзя было откладывать на потом, они требовали особой государственной заботы. Начальником ВВЭ назначили генерал-майора авиации Александра Кузнецова, его заместителем — геофизика Михаила Острекина. Миссия им выпала трудная и далеко небезопасная: полеты с посадками на дрейфующий лед. В этой программе оказались задействованы крылатые машины Ли-2, Ил-12, Пе-8, а летные экспедиционные маршруты с приземлением в различных пунктах Ледовитого океана по уже сложившейся традиции называли «прыгающими».

Среди пилотов, принявших участие в виртуозных по техническому исполнению бросках, значились Михаил Водопьянов, Иван Черевичный, Михаил Титлов. Той весной достижения советских полярников вновь изменили привычную карту северных морей. 23 апреля небольшую группу исследователей под началом Острекина по воздуху доставили на макушку Земли. А через два дня тот же самолет забрал их обратно, уже в ореоле славы, в статусе первых в мире людей, с абсолютной достоверностью подтвердивших свое пребывание на полюсе.

Участники экспедиции разделились на четыре отряда, работавших согласованно, но на разных участках. Группа гидрологов под руководством Виктора

Буйницкого проводила наблюдения на льдине между Новосибирскими островами и Северным полюсом. Океанограф Яков Гаккель определял глубины и не переставал удивляться странным результатам. Первый промер показал 2733 метра. Следующие установленные цифры — 2355, на 378 метров меньше. Мерить стали чаще, и в крайней юго-западной точке Гаккель зафиксировал сенсационно малую глубину — 1290 метров.

Тут же вспомнили и о других вероятных признаках скрытой от невооруженного глаза возвышенности. Давние наблюдения за температурой придонных вод подтверждали гипотезу о подводных скалах. Сказали свое слово и сейсмологи, наблюдавшие за землетрясениями в Сибири. Они установили, что по дну океана проходит сейсмический пояс. На суше подобные феномены присущи горным системам, значит, пришли к выводу русские ученые, и здесь наличествует хребет, причем огромный. Дальнейшие исследования показали: «на рост» поднимается над ложем океана на 2500–3000 метров и простирается от Новосибирских островов к Северному полюсу, а далее — к канадскому острову Элсмир. Через три года после Великой Победы СССР одержал еще одну, на сей раз сугубо мирную. И, приняв героическую эстафету от прежней России, снова показал себя полноправным хозяином Арктики.

Россия, вперед

Следующий бросок к хребту Ломоносова соотечественники предприняли в составе экспедиции «Арктика-2007». К полюсу двинулись атомный ледокол «Россия» и научно-экспедиционное судно «Академик Федоров». Перед учеными стояла задача — добыть веские доказательства того, что хребет является продолжением Сибирской континентальной платформы.

Участники экспедиции «Север-2». 1948

РУССКИЙ СЛЕД

Кульминация похода — первое в истории погружение на дно морское непосредственно на Северном полюсе. 2 августа 2007 года две группы на глубоководных аппаратах «Мир-1» и «Мир-2» спустились вглубь на четыре с лишним километра. Изучение впадин океана сродни исследованию космического пространства — каждый шаг чреват экстремальными, подчас смертельными рисками, но обещает невероятные открытия. А одна из главных проблем в том, что ледяной покров искажает радиосигналы.

По прошествии без малого трех часов после начала погружения полярник Артур Чилингаров наконец-то вышел с «Академиком Федоровым» на связь: «Сели на грунт желтого цвета. В иле подняли такую бучу, что она долго не могла осесть».

Спустившись на дно Ледовитого океана, изумленные полярники обнаружили там жизнь — несколько рыбок и водоросли. Через иллюминаторы удалось разглядеть пейзаж, весьма похожий на лунный. На рекордной глубине взяли пробы грунта. Среди трофеев, добытых в этот день, оказалось донное животное — стебельчатая лилия — поразительный «цветок» океанских котловин. Чилингаров установил на глубине 4302 метра титановый флаг России — первооткрыватели имеют право на эффектные жесты.

Впервые люди достигли морского дна в точке полюса, но самое трудное оставалось впереди, предстоял подъем на поверхность. Всплытие проходило тяжело, в поисках полынй пришлось блуждать подо льдом около часа. «Мир-1» даже повредил антенну и прожектор, столкнувшись с килем «Федорова». Но триумф состоялся.

Особенно важно то, что и ледоколы, и чрезвычайно наукоемкие аппараты погружения были разработаны отечественными специалистами, правда, в советские годы. России в ближайшем будущем придется создать еще более совер-

Научно-исследовательское судно «Академик Федоров»

ФОТО: ПЕТР СОТНИКОВ/ТАСС

Начальник экспедиции «Арктика-2007» А. Чилингаров (слева) у батискафа «Мир-1»

шенную технику, необходимую для скрупулезного исследования хребта Ломоносова. И здесь потребуются немалые капиталовложения без надежды на скорую экономическую отдачу.

Идет война холодная

Хребет растянулся на 1800 километров: от материковой отмели Азии — через Северный полюс — до прибрежной зоны Северной Америки. По экспертным оценкам, в этом районе сосредоточено около 25 процентов мировых запасов углеводородов. Даже если данные завышены, то все равно речь идет о «золотой» территории.

Неудивительно, что началась настоящая холодная война за север-

ную пустыню. «Боевые» действия усилились после триумфальной «Арктики-2007». На хребет Ломоносова всерьез претендуют Дания и Канада. В Копенгагене, например, полагают, что оспариваемые территории являются естественным продолжением Гренландии. В Оттаве уверены, что данная часть Арктики — зона ее исключительных интересов. Многим запомнилось отчаянно резкое высказывание бывшего министра иностранных дел Джона Бэрда, заявившего, что хребет продолжает канадскую территорию, и уж совсем не дипломатично пригрозившего: мол, Страна кленового листа для отстаивания своих интересов готова применять в том числе и военную силу.

А ведь Арктика — во всех смыслах необыкновенный край. Даже во времена самого жесткого противостояния государственно-политических систем полярники приходили друг к другу на помощь, не считаясь с нюансами «международного положения». На полюсе невозможно выжить без взаимовыручки. Русские спасали итальянскую экспедицию Умберто Нобиле, невзирая на вражду с фашистским режимом Муссолини. Советский пилот Сигизмунд Леваневский однажды спас американца Джимми Маттерна, а потом,

когда сам Сигизмунд Александрович пропал во льдах, его искали не только наши, но и заокеанские летчики. До сих пор продолжается поиск частей исчезнувшего самолета ДБ-А. И подобных примеров в истории Севера немало. Однако в XXI веке рыцарские правила арктических пионеров, как видно, стали уступать место законам большого бизнеса, за полярные недра приходится так или иначе сражаться.

У России, как и прежде, имеется единственный способ доказать свой приоритет — осваивать неиз-

веданное пространство. Наши несомненные преимущества в борьбе за сокровища Ломоносовского хребта — славная история и ледокольный флот, который за последние годы стал существенно мощнее.

Арктику нельзя превращать в театр военных действий. Однако в учебниках истории и географии надо указывать четко: хребет Ломоносова — открытие советских полярников. Несколько десятилетий эту землю обживают именно русские, и такой статус-кво не подлежит пересмотру.

МНЕНИЕ

ФОТО: ЕЛЕНА НИКИТИЧЕНКО/ТАСС

Василий Богоявленский,
замдиректора по науке
Института проблем нефти
и газа РАН, член-корреспондент
РАН

— Открытие хребтов Ломоносова и Менделеева внесло много нового в понимание геологии арктического региона и его экономической ценности. Зоны впадин, прилегающих к хребтам, весьма перспективны с точки зрения нахождения месторождений углеводородов. В прошлом году наш институт завершил там трехлетние исследования по программе президиума РАН и подтвердил высокие шансы обнаружения не только газовых залежей, но и нефтяных запасов.

При этом мы подчеркиваем, что их добыча может начаться не скоро. Надо идти шаг за шагом: сперва освоить шельф в прибрежной, мелководной зоне (что многократно перспективнее разработки на подводных хребтах), а затем двигаться дальше и глубже. В том районе находятся, по нынешним оценкам, 5–10 процентов от всех российских шельфовых запасов углеводородов. Сейчас не до них, но когда-нибудь и они понадобятся.

В рамках финансируемого Фондом перспективных исследований проекта «Айсберг», в котором я тоже участвую, прорабатываются будущие подходы и технологии освоения глубоководной Арктики: подледной сейсморазведки, добычи, транспортировки и прочего. Прогнозы в этой области строить сложно, поскольку огромную роль тут играет экономика: рыночная стоимость добываемых продуктов, способы и направления стратегических поставок...

Нам еще только предстоит подтвердить законное право на данные территории, защитив соответствующую заявку в ООН. Процесс этот также не будет быстрым — слишком много влиятельных конкурен-

тов у России в высоких широтах. Аргументы нашего государства в этом плане очень весомые. Было проведено бурение на хребте Ломоносова, взяты образцы коренных материковых пород, свидетельствующие о том, что эти поднятия продолжают Сибирскую материковую платформу.

70 лет назад правительство, посылавшее туда участников исторической экспедиции «Север-2», едва ли думало о подводных нефтегазовых залежах. Однако вопрос Севморпути уже в то время воспринимался как стратегический, да и военное значение Арктики во Второй мировой войне проявилось со всей очевидностью. Сегодня же весь этот комплекс факторов стал еще более значим. Не случайно наш президент, рассказывая в одном из выступлений про исключительную важность региона для России, напомнил: время подлета американских ракет из акватории Баренцева моря до Москвы — порядка 15 минут. Поэтому главный наш интерес в тех местах прост и суров: отодвинуть морские границы страны насколько это возможно. А для хозяйственного освоения глубин «Студеного моря» придет свой срок.

Н. Дроздов. 2006

В лучшем из миров

Валерий Бурт

Полвека назад на отечественные экраны вышла одна из самых популярных и всеми любимых программ — «В мире животных». Ее выпусков с нетерпением ждали миллионы телезрителей, предвкушая встречу с братьями нашими меньшими. А также с человеком, похожим на доброго сказочника.

Одна голова — хорошо, а две — лучше

Последний нередко принимал в студии именитых гостей: сюда «заходили» Жак-Ив Кусто, Тур Хейердал, писатели-натуралисты Джеральд Даррелл, Бернхард Гржимек и многие-многие другие знаменитости, включая, разумеется, соотечественников. Как самый популярный ведущий в памяти зрителей всех поколений запечатлен, конечно же, Николай Дроздов, выполнявший свои обязанности на Центральном ТВ с 1970-х. Старейший мэтр телеэфира и сегодня остается в кадре, пусть и не на главном отечественном канале.

Николай Николаевич — по хронологии третий «хозяин» программы. Первым был народный артист СССР, профессор ВГИКа, кинорежиссер Александр Згуриди. Именно ему некогда пришла в голову счастливая идея такой передачи.

Александр Михайлович стремился делать ее теплой и светлой, задушевной, приглашал к себе по-настоящему увлеченных общением с живой природой людей. Среди них был и мо-

ФОТО: ЛЕВ ВЕЛИЖАНИН/РИА НОВОСТИ

лодой университетский преподаватель, выпускник геофака МГУ Николай Дроздов. Незадолго до своего первого визита к Згуриди он побывал в экспедиции в Каракумах и привез оттуда большую коллекцию обитателей пустыни: ящериц, змей, скорпионов, пауков, которых с радостью показал телезрителям.

В качестве некоего бонуса к программе какое-то время транслировались при Александре Згуриди два импортных сериала: «Лэсси» — об умной и весьма обаятельной собаке породы колли и «Флиппер» — о ничуть не менее сообразительном, образцово дружелюбном дельфине. Громадный зрительский интерес им был обеспечен заранее.

В 1975-м Александр Михайлович надолго уехал в Индию снимать художественный фильм «Рикки-Тикки-Тави» (с участием Алексея Баталова, Маргариты Тереховой и других замечательных актеров) и передал эстафету журналисту и писателю Василию Пескову. А у того

впоследствии «принял дела» Дроздов. Как это происходило, поведал в одном интервью сам Николай Николаевич: «Песков стал приглашать меня... В 1977 году Василию Михайловичу, у которого было много работы в «Комсомольской правде», пришла в голову идея: «Николай, давайте вы будете вести передачу со мной? Но не вместе, а поочередно». Я согласился, и 13 лет мы вели эту передачу — она получилась такой двухголовой или, более культурно, двухличностной. Я рассказывал... больше о зоологии, биологии и географии. У Пескова в центре внимания была проблема взаимоотношения человека и природы, крестьянский двор, охотничьи хозяйства, сельские хозяйства, заповедники, национальные парки. Я обращался к нему на «вы», Василий Михайлович. Он меня звал Коленькой — так, очень по-отечески. Разница в возрасте была не очень большая, но человеческая мудрость сразу ставила Пескова на уровень

учителя. И у него хотелось учиться каждую минуту. Потому что у этого человека всегда были мудрые мысли, мудрые оценки».

Шесть мангустов, семь кобр и факир-индус по имени Абу

При тандеме сменявших друг друга ведущих передача прочно удерживала второе место в списке наиболее востребованных научно-популярных программ советского телевидения, совсем немного уступая «Клубу кинопутешествий» и опережая «Очевидное — невероятное». Одно из этой пары, Николая Дроздова, самые разные представители фауны сопровождали повсюду. «Однажды у меня в квартире все лето жила «веселая компания»: шесть мангустов, семь кобр и факир-индус по имени Абу, — рассказывал натуралист. — Их не хотела принимать ни одна гостиница, и мне пришлось всю компанию пристроить у себя в двухкомнатной квартире. Згуриди узнал, что мое семейство уехало на дачу, и уговорил меня потесниться, отдав гостям одну из комнат. Конечно, это было хлопотно, соседи проходу не давали — им хотелось поглазеть на факира с экзотическими зверями и змеями».

Немало забавных случаев происходило и во время эфира. Как-то на съемки привели козла. Несмотря на все приказы и ласковые уговоры его владелицы, рогатый не хотел выполнять никаких команд — неколебимо стоял и о чем-то напряженно думал. Дрессировщица предложила Дроздову: «Может, вы на него верхом сядете?» Николай Николаевич так и поступил. И тут парнокопытный ожил, принялся брыкаться, носиться по сцене. Родео верхом на козле при участии одного из известнейших людей страны — это, право же, дорогого стоит.

Веселый казус произошел также с «приглашенным» шимпанзе. Дрессировщик угостил своего друга ба-

РЕТРОСПЕКТИВА

наном и попросил «поделиться с дядей Колей». Обезьяна загадочно посмотрела на ведущего и, особо не мешкая, очистила плод. Дроздов решил, что сейчас она и ему даст кусочек, однако просчитался. Та захихнула банан себе в пасть, а шкурку великодушно отдала дяде Коле.

Впрочем, бывали эпизоды и совсем не смешные. Однажды Николая Николаевича прямо в студии укусила гадюка. Он тогда как будто даже и не встревожился, несколько дней невозмутимо наблюдал за своим физическим состоянием. К счастью, об «опыте» узнала телеведущая, врач Елена Малышева. Ужаснулась и потащила «экспериментатора» в институт Склифософского, прямо в реанимацию под капельницу. Еще несколько часов промедления — и было бы слишком поздно...

«Жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать»

Успех практически любой популярной телепрограммы, и прежде всего той, которая относится к категории «Для всей семьи», наполовину, если не на три четверти, зависит от качеств ее главного лица. Бесслезного ведущего «В мире животных» это касается в особенности, так как Николай Дроздов — гораздо больше, чем диктор-комментатор, и важнее, чем самый умелый организатор.

В раннем детстве, начитавшись мифов Древней Греции, он мечтал превратиться в кентавра. С тех пор в нем никогда не ослабевал интерес к непарнокопытным. Еще мальчишкой Дроздов работал табунщиком конезавода в Московской области. Впрочем, любил не только лошадей, но и всякую иную живность. Заинтересованно наблюдал в частых походах за зверями и птицами, земноводными и пресмыкающимися, отмечал перемены в погоде и поведении животных, вел вместе с отцом дневник весенней природы.

Народный артист СССР
А. Згуриди. 1985

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ/РИА НОВОСТИ

В. Песков в студии
передачи. 1977

ФОТО: А. АТЕВЕР/РИА НОВОСТИ

Из всех искусств более всего предпочитает вокальное. Первый диск с собственными записями называл «Вы слышали, как поет Дроздов?». В репертуаре в основном известные советские произведения: «Одинокая гармонь», «Сердце, тебе не хочется покоя», «На тот большак, на перекресток». Еще любит петь «Голубку», песню кубинского моряка, скучающего по оставленной в Гаване любимой.

Когда-то Николай Дроздов ловко управлялся с иглой и ниткой. Участь в МГУ, он вдруг решил взять паузу и устроился на... швейную фабрику. Хотел доказать родителям, что у него не только светлая голова, но и весьма умелые руки. Добросовестно трудился на том

предприятии примерно полтора года, стал мастером по пошиву мужской верхней одежды.

Получив требуемую квалификацию, вернулся в университет и окончил его с отличием в 1963-м. Затем еще три года учился в аспирантуре. А защитив кандидатскую, остался на кафедре биогеографии.

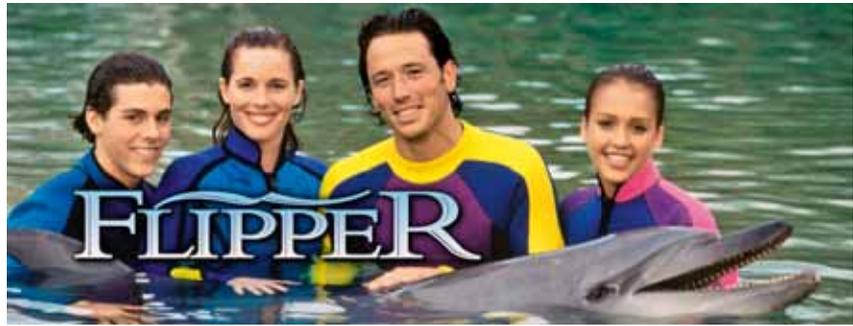
В начале 70-х годов был направлен от МГУ на годичную стажировку в Австралийский национальный университет. О пребывании в Канберре написал книгу «Полет бумеранга». В дальнейшем, совместно с редактором «В мире животных» Алексеем Макеевым, выпустил еще несколько томов, посвященных любимому делу, в том числе по мотивам популярной телепередачи.

Николай Пржевальский утверждал: «Жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать». Дроздов неизменно следовал примеру прославленного тезки, являлся участником ряда советских, российских и зарубежных экспедиций. Совершил восхождение на вершину Эльбруса, побывал на островах Фиджи, Тонга и Самоа, трижды — на Северном полюсе, посетил Заир, национальные парки Вирунга и Кахузи-Бьега. Но это лишь малая часть странствий неутомимого натуралиста. Его имя внесли в почетный список ведущих специалистов планеты по охране окружающей среды.

В свои восемьдесят он выглядит на шестьдесят.

— Чтобы остановить старение, нужно больше смеяться, петь и танцевать, — заявляет телеведущий. — Но это, конечно, не единственное условие. Есть разработанный профессором Юрием Гуцко «сейф долголетия», к которому нужно подобрать 12 ключей. Среди них движение, правильное питание. Я уже давно, с 1975 года, отказался от мяса. В моем меню — только овсянка, сухофрукты, мед, овощи.

Правил вегетарианства он стал неукоснительно придерживаться после поездки в Индию — в те уже далекие от нас 1970-е, на съемках «Рикки-Тикки-Тави». Собственных

вкусов и привычек никому не навязывает, но при случае расскажет (если вы его об этом попросите) о том, что находит полезным.

А они на «Карусели»

Передача «В мире животных» за время своего постсоветского существования неоднократно «ми-

грировала», побывала на нескольких центральных каналах, затем переместилась на «Домашний», после — на «Россию 2» и, наконец, обосновалась на «Карусели».

Менялись эпохи и нравы, моды и увлечения, поколения и их социальный состав. Старейшая отечественная телепрограмма про животных оставалась все такой же душевной, интересной и познавательной, все так же весело и приветливо смотрит с экрана ее ведущий. «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка — это флаг корабля. Капитан, капитан, подтянитесь, только смелым покоряются моря», — эти строки раз и навсегда стали для Дроздова девизом.

Теперьшние зрители, по преимуществу дети, как и их предшественники, с интересом наблюдают за всевозможными проделками зверей и птиц. Кто-то, хочется верить, учится доброте, участию, гуманному отношению к окружающей природе — всему тому, чего в этом мире начинает сильно не хватать.

PS: Николай Николаевич, передавая горячий привет читателям «Своего», просил непременно сказать: у него сравнительно недавно появился молодой соведущий Алексей Лапин. «Ему всего 15 лет, — уточняет мэтр, — но он уже успел пройти большой телевизионный путь — целых десять лет в передаче! Я уверен, что именно Леша вскоре продолжит этот проект, вдохнет в него новую жизнь».

Н. Дроздов на съемках программы «В мире животных». 2006

ФОТО: ЭМИЛЬ МАТВЕЕВ/ТАСС

Стоп-кадр

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Необыкновенное лето». 1957

Юрий Васильевич преображает профессию

Николай Ирин

Искусство Юрия Яковлева заразительно. Едва увидишь этого актера, пусть даже в малоизвестной кинокартине или эпизоде из полузабытой театральной постановки, возникает ощущение, что тебя помимо воли подключают к Высокой Игре. Разумеется, его персонажи интегрированы в сюжет, а взаимодействие с партнерами — образцово равновесное, однако сигнал оттуда идет скорый и властный: ты на территории высокохудожественного воплощения; оно очень похоже на жизнь и многое про нее расскажет, но самой жизни все равно не тождественно. Юрий Васильевич гениально олицетворяет принцип творческого преобразования — из обыденного в чудесное. 25 апреля 2018 года великому артисту исполнилось бы 90 лет.

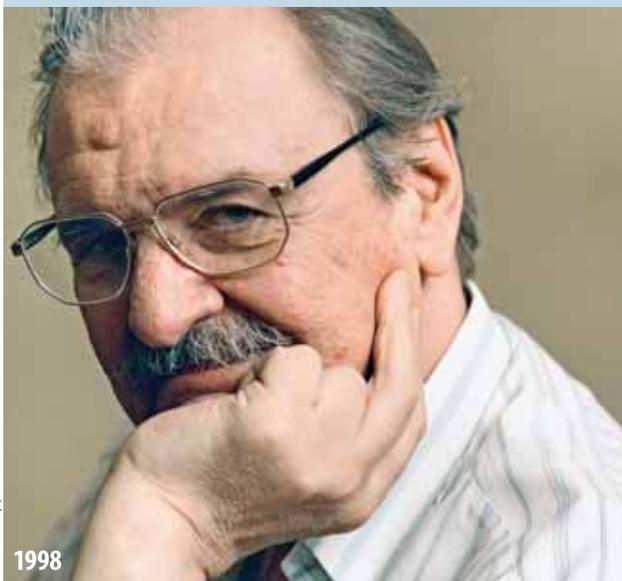
ВОДНОМ из последних интервью он вспоминает московское детство, проведенное в двух шагах от Каретного ряда и сада «Эрмитаж». Голос заметно оживляется, когда Яковлев перечисляет дворовые игры. Очевидно, для него это нечто весьма важное, не утратившее былого очарования: «Мы играли в «казаки-разбойники», в «штандер», «12 палочек» и лапту. Нам запрещали гулять дальше Петровских ворот, но мы, играя... убегали на Петровку, на Кузнецкий мост». Глаза при этом загораются, мэтр в конце жизненного пути как будто заново переживает пленительный азарт подростковых забав.

Гены внесли свою лепту: родитель, подвизавшийся на поприще юриста, перед этим два года проучился в Консерватории, а затем, бросив музыкальный вуз, попросился в Московский Художественный, куда его опять-таки приняли. «У отца был очень красивый певческий баритон, — рассказывает Яковлев. — После Консерватории он пришел к Леонидову, и тот, по рекомендации Станиславского, его взял. Отец проработал в МХТ около года, но ушел и оттуда, поступив в результате на юридический факультет Московского университета». Особые слова актер находит для матери, которая работала в медицине, хотя и не получила высшего образования из-за начавшейся Первой мировой: «Подобной женщины в жизни я больше не встречал: такой доброты, такой преданности, такой любви к людям. Она любила всех, и ее все звали Лелечкой до последних дней жизни».

1961

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

1998

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЕТКИН/РИА НОВОСТИ

В 1948-м Юрия принимают в Театральное училище им. Б. Щукина. По одной из легенд, на вступительных экзаменах относительно недавно вернувшийся с фронта и уже принимавший участие в отборе Владимир Этуш на его выступлениеотреагировал грубовато-саркастически: «Молодой человек, Вас ждут заводы!» Что ж, талант талантом, но качественного обучения не заменит и он. Яковлев еще какое-то время не может справиться с новыми вызовами — в конце первого курса едва не отчислен за двойку по актерскому мастерству. Спасает театральный педагог Цецилия Мансурова. Вахтанговская школа на этот момент сильно отличается от других, а впоследствии Юрий Васильевич станет едва ли не самым ярким выразителем ее достоинств.

В 1922-м Владимир Немирович-Данченко откликнулся на смерть Евгения Вахтангова такими словами: «В своей работе Художественный театр, всячески укрепляя закон внутреннего оправдания, должен был прибегать к различным приемам, — даже в создании как бы закулисной этики и к внедрению строгой дисциплины, — и, естественно, впадать в крайности. Наверное, мы тяжелили искусство. А Вахтангов это «отяжеление» отбрасывал. Ведь у него было природное органическое свойство во все вносить красивую легкость. Таким он пришел к нам еще учеником, таким он был тогда, — с легкостью распеваящий шансонетки и умеющий почти анекдотически говорить о вещах, в сущности, трагических. Но эта легкость не свидетельствовала о легкомыслии. Нет — она была в умении передачи легкости».

Способ артистического существования Яковлева невозможно охарактеризовать лучше. Он добавил к унаследованному от отца волшебному голосу и природному актерскому дарованию преимуществ вахтанговского метода. Вот отчего мы, зрители, внутренне воспламеняемся вслед за поручиком Ржевским из

«Идиот». 1958

«Гусарской баллады», верим в сказочные превращения венценосного Дерамо из «Короля-оленья», как современника воспринимаем Ивана Грозного из «Ивана Васильевича...»: актер, получивший духовное наследство Вахтангова из рук его ученицы Цецилии Мансуровой, мог весьма убедительно, с максимальной достоверностью предьявить сколь угодно насыщенный условностями литературный материал.

«Я лицедей, — говорил Яковлев. — Люблю, чтобы люди, которых изображаю, были разными. Мне всегда нужно уйти от себя как можно дальше. Надо думать о руках, думать о походке персонажа». У него невероятно умное тело, он, кажется, никогда не сваливается в досужее умствование, отвлеченное конструирование характера, но, включив на полную мощь интуицию, демонстрирует образ целиком. Вахтангов требовал от актеров, чтобы каждый сценический момент был зафиксирован как застывшее скульптурное изображение. Именно так и работает Юрий Васильевич. Ипполит из «Иронии судьбы» воспринимается порой несколько пренебрежительно. Влюбленная во все перевоплощения Яковлева жена Ирина Леонидовна считает: «Его считают или Иваном Васильевичем, или Ипполитом. Это настолько несправедливо, потому что он так много мог, что это ему — раз чихнуть. А вот за эти «раз чихнуть» все сходят с ума».

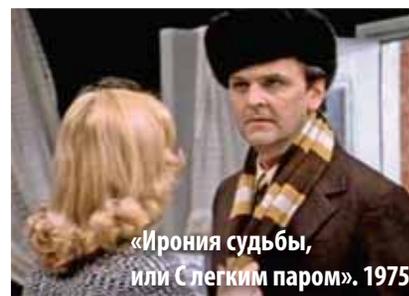
«Гусарская баллада». 1962

«Отец, конечно, мало сыграл, он должен был сыграть гораздо больше», — вторит ей младший сын артиста Антон.

Вряд ли есть нужда защищать мастера от сторонних мимолетных впечатлений. Гротески, к которым тяготел Евгений Вахтангов, провоцируют снисходительную досаду лишь тогда, когда их лепят заискивающие перед невзыскательной публикой горе-комики. Однако Яковлев — великий и по-настоящему серьезный исполнитель. Разглядеть в каждой его роли методологию выдающихся учителей — особое наслаждение. «Пусть умрет натурализм в театре!» — настаивал Евгений Багратионович, а Юрий Васильевич распространил данный принцип еще и на киноискусство. Проявил себя как доблестный рыцарь вахтанговской школы, неизменно нарушая правило «жизни в формах самой жизни».

«Ирония судьбы» — великое кино, но, пожалуй, самое большое откровение в нем — момент, когда Лукашин признается, что Ипполит, «если говорить честно», ему очень

понравился. В действительности ампула последнего — гипертрофированно заурядный человек с колоссальным самомнением, крайне недалекий зануда-эгоист. Однако же со словами Жени вольно или невольно соглашаешься: да, пожалуй, и нам, зрителям, Ипполит пришелся по душе. Безукоризненно выполнив как драматургическую, так и режиссерскую установку, Юрий Васильевич обе враз опроверг. И самое удивительное происходит минутой позже. Когда Надина мама спрашивает: «Это вы Ипполита окатили? Он сейчас шел весь мокрый», — Лукашин раздумчиво бормочет: «Это он мокрый от слез». Сценаристы написали, кажется, просто забавный диалог, но благодаря тому объему характера, который показал Яковлев, Женина реплика вырастает до уровня космической, а не комической гипер-

«Ирония судьбы, или С легким паром». 1975

болы. Здесь — момент истины: Ипполит, каким его сотворил артист, оказывается, не бытовым склочник, не мелочный педант, но личность, приговоренная к страданию, более того — принимающая земные напасти с образцовым смирением.

Неожиданно начинаешь понимать фильм заново, обнаружив внутри себя два типа реагирования на непредсказуемость жизненных перипетий. Первый, воплощаемый главным героем, есть жанровая идеализация: человек — «в потоке»: судьба измывает над ним, опутывает цепью невероятно абсурдных событий, но, будучи донельзя пластичным, он виртуозно приспосабливается. Его история так и просится в современное пособие «Как

стать абсолютно счастливым за 24 часа, ничего не предпринимая и ничему не сопротивляясь». Второй тип реакции воплощен Ипполитом. Тот подвергается испытанию невероятными казусами, пытаясь до последнего сохранить здравый смысл и достоинство, и когда персонаж из учебника «Как стать счастливым» изрекает свою простенькую философему — «это он мокрый от слез», — происходит короткое замыкание, мгновенное прозрение: герой Яковлева — такой же, как и мы, никакой не злодей, а просто растерявшийся страдалец.

Если бы на месте Юрия Васильевича был столь же крупный актер, но с иной манерой игры, склонный, например, к психологической детализации, его персонаж вряд ли вышел бы за пределы предложенного сценарием морального облика. Последовательный вахтанговец, попав в картину совершенно случайно, в одиночку ее переформатировал. «Может быть, я хочу простудиться и умереть...» — последняя стадия отчаяния корректируется фирменным яковлевским стоицизмом. Так что Ипполит — ни в коем случае не «раз плюнуть», не второстепенная киномореска, не сатира, но плач по человеку и одновременно песнь ему.

Похожая история случилась с гайдаевским «Иваном Васильевичем...». Подобно Олегу Басилашвили, отказавшемуся играть в «Иронии...», Юрий Никулин отверг предложенную ему центральную роль. Его тезка, напротив, невзирая на предельную занятость в театре и на радио, подобрал «чужое». Да

как подобрал! «Ты пошто, смерд, боярыню обидел!» — он легко присваивает архаичную лексику, моментально вживается в образ легендарного, репутационно неоднозначного царя. Очень хорошо сказал про себя этот актер на склоне лет: «Я скрипка, ближе к виолончели. Если загрузить меня с ног до головы Моцартом, то и прозвучит Юрий Васильевич Яковлев в полную силу».

Отдельная статья — его голос, паразитической плотности и выразительности, с красивейшими обертонами и неподражаемым нижним регистром, сохраненный на протяжении всего творческого и жизненного пути, звучащий в сотнях записей на радио, дикторских пояснениях множества картин. После того как артист прочувствованно и строго продекламировал монолог «от автора» в ленте Григория Чухрая «Баллада о солдате», состоялся,

можно сказать, новый художественный жанр — «Закадровый комментарий от Юрия Яковлева». В таких классных фильмах, как «Пропало лето», «Берегись автомобиля», «Старики-разбойники», это — фирменная работа, великолепная, не имеющая аналогов интонационная игра.

«У него была природа деликатного человека», — характеризует артиста Валентина Талызина. «Главная черта отца — эгоизм — естественная самозащита, потребность некоторые проблемы от себя отталкивать», — подмечает один из сыновей. Сам же артист многих подкупал рассказом о том, как в годы учебы его, не умевшего плакать по заказу, вынудил проследиться гениальный педагог Владимир Иванович Москвин, который орал на него матом. «Не от мата я плакал. Это было очень оскорбительно. Я самолюбив очень, и это был большой удар по самолюбию».

«Пойду учить на Яковлева», — усмехался, отправляясь преподавать в «Шуку», его лучший друг Владимир Шлезингер. Последний, по-видимому, имел в виду метод, технологию, по которой выучить «на Яковлева», в принципе, можно. Впрочем, осознав, что та была доведена автором до совершенства, понимаешь степень сарказма, держащегося в реплике Шлезингера. А уж сохранить при этом внутреннюю цельность среди людей амбициозных, обидчивых, зачистую мстительных — дело и вовсе немислимое. Юрий Васильевич справился.

«Иван Васильевич меняет профессию». 1973

«Кин-дза-дза!». 1986

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Под правильным соусом

Максим Сырников

Известный в XIX веке литератор, журналист, хозяин модного салона Николай Сушков в своем очерке «Картины русского быта в старину» писал: «А на Святой неделе зеленые щи и зеленый соус так же неизбежны за обедом, как крашенные яйца, кулич и черно-серая четверговая соль за завтраком». Наши современники в большинстве своем знают, что такое зеленые щи, однако о зеленом соусе мало кто слышал.

НЫНЕШНЕЕ значение данного слова существенно отличается от того, что подразумевалось под ним в середине позапрошлого века. Чаще всего эту часть трапезы подавали как нечто овощное, мясное или рыбное — с обильной подливой.

До появления моды на французскую кухню подобные блюда назывались у нас «ушным».

Но для Сушкова в его кругу более привычным стало именно такое название — «соус».

Как же его делают из первой весенней зелени?

Вот один из вариантов:

- * 500 г свиной грудинки
- * 1 средняя луковица
- * 2 морковки
- * 2 небольшие репки
- * 100 г корня сельдерея
- * 100 г щавеля
- * 100 г сметаны, 25%
- * Полтора-два стакана бульона, мясного или овощного
- * Три зубчика чеснока
- * Пучок петрушки
- * Топленое масло для обжарки
- * Черный перец, соль — по вкусу

Луковицу запечь в духовке до полной мягкости. Щавель припустить в воде и протереть в пюре вместе с луковицей. Разбавить бульоном, посолить, поперчить и довести до кипения. Если щавель излишне кислый, можно добавить щепотку сахара.

Грудинку, морковь, репу и сельдерей нарезать небольшими кусками, обжарить на топленом масле и сложить в кастрюльку. Залить приготовленной щавелевой подливой, довести до кипения и дать потомиться с час. А за пару минут до готовности добавить сметану, чеснок, при необходимости досолить. Подавать, посыпав зеленью петрушки или укропа.

С. СЮЖИН. «ЛЕГЕНДЫ О МАСТЕРЕ ТЫЧКЕ», 1989

Своя

АПРЕЛЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Византики